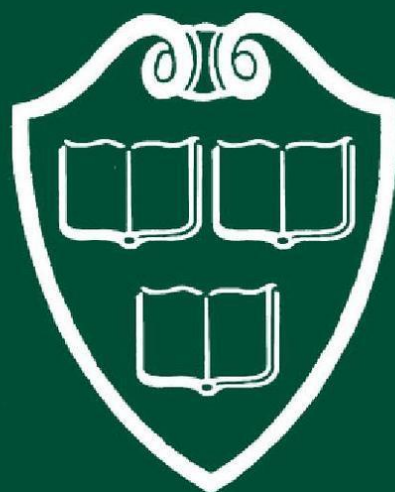

Pax
Britannica

А. Б. СОКОЛОВ

**«ПРАВЬ, БРИТАНИЯ,
МОРЯМИ»?**

**Политические дискуссии
в Англии по вопросам внешней
и колониальной политики
в XVIII веке**

Pax Britannica

Андрей Соколов

**«Правь, Британия, морями»?
Политические дискуссии
в Англии по вопросам
внешней и колониальной
политики в XVIII веке**

«Алетейя»

Соколов А. Б.

«Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке / А. Б. Соколов — «Алетейя», — (Pax Britannica)

ISBN 978-5-906792-73-0

В монографии характеризуются основные направления политических дискуссий в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в эпоху от войны за испанское наследство до Великой Французской революции. Рассматриваются позиции различных политических группировок и государственных деятелей Великобритании по важнейшим темам международных отношений и колониальной политики в Америке и на Востоке. Книга адресуется специалистам, студентам-историкам, всем интересующимся историей Великобритании, международных отношений и колониализма.

ISBN 978-5-906792-73-0

© Соколов А. Б.

© Алетейя

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Глава 1	24
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Соколов А. Б.

«Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке

Предисловие

Эта книга возникла из докторской диссертации, защищенной в далеком 1995 году. В первой главе книги я основывался на своей кандидатской работе, которая называлась «Борьба политических партий в Англии в связи с войной за испанское наследство»; она была защищена в 1985 г. Книга «Правь, Британия, морями?» Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики» вышла в 1996 г. в издательстве Ярославского педагогического института небольшим тиражом, да и полиграфическое качество было невысоким. В правом верхнем серой обложки поместили картинку с изображением британского льва, но очертания его были так размыты, что меня однажды спросили, не автор ли гордо расположился над названием книги. Наверное, это была шутка в английском стиле. Что ж, оформление многих опубликованных тогда книг оставляет желать лучшего. Среди авторских слабостей присутствует желание знать, что его книгу читали, и то, что на книгу иногда ссылались коллеги, создавало надежду, что труд не потрачен зря. Идеей переиздать эту работу я обязан Татьяне Леонидовне Лабутиной, которая много делает, чтобы развивалось сотрудничество российских историков, специалистов по истории Великобритании. Воодушевленный словами, что книга не устарела и полезна для историков Англии, я следую ее совету.

Хочу вспомнить о тех, кто помогал мне. Не все сегодня живы, но я храню память об Ирине Аркадьевне Никитиной, моем руководителе по кандидатской диссертации. Не будучи формально консультантом во время написания докторской – я смог осуществить это исследование, не отрываясь от работы – она не жалела на меня времени, несмотря на возраст и нездоровье. Приезжая в Москву, я навещал ее, проживавшую в двух скромных комнатах квартиры на Зубовской площади, и за чашкой кофе и немудреным угощением впитывал ее жизненный и профессиональный опыт, и слова поддержки, искренние и очень теплые, дорогого стоили. Добрые напутствия всегда давал Владлен Георгиевич Сироткин. Оппонентом на защите и рецензентом книги выступила Татьяна Александровна Павлова, один из лучших наших специалистов по британской истории, безвременно ушедшая из жизни.

Я собирал материал не только в московских архивах и библиотеках, но в университете г. Эксетера в Англии и в университете г. Дейтона в США. Собственно, в дейтонской университетской библиотеке, хранившей совсем не плохие коллекции источников и литературы, мне удалось сконцентрироваться и всего за несколько недель написать почти весь текст диссертации. В Фолджеровской библиотеке в Вашингтоне, знаменитой не только изданиями работ У. Шекспира, удалось прикоснуться к богатейшей коллекции памфлетов по британской истории XVIII вв. Я сохраняю чувство благодарности Майклу Смигу из США, Роберту Льюису, Майлину Ньютту, Джонатану Николу из Англии, Штефану Мерлу из ФРГ и другим коллегам, сотрудничество с которыми дало возможность для научных исследований за рубежом. В книге использовано несколько документов из Королевского архива в Виндзорском замке. Доступ в этот архив я получил благодаря протекции и гостеприимству тогдашнего декана Виндзора, духовника королевы Елизаветы II Патрика Митчелла.

После выхода монографии в 1996 г. мои научные интересы частично сместились от дипломатической и колониальной истории XVIII в. к изучению культурной истории и историографии Великобритании, к Карлу I и лорду Кларендону, и даже к дидактике истории и к истории исторического образования в этой стране. Все же за двадцать прошедших лет я опубликовал ряд статей, связанных с историей внешней политики Великобритании в XVIII в. Некоторые из них написаны с использованием материалов британских архивов. Они в чем-то продолжают сюжеты, затронутые в книге, и могут рассматриваться вкупе с ней¹.

Конечно, изучение внешней и колониальной политики Великобритании в «долгом» XVIII в. не стояло на месте в отечественной историографии. В последние годы опубликованы интересные исследования, посвященные британской колониальной политике, культурным аспектам русско-британских отношений, принадлежащие перу историков разных поколений². К сожалению, политика Англии в Европе в XVIII в. по-прежнему привлекает недостаточное внимание, равно как и внутривнутриполитические аспекты британской внешней и колониальной политики. Возможно, это придает переизданию книги актуальность. Если бы книга писалась сегодня, насколько бы я ее изменил? Перечитав ее в процессе редактирования свежим взглядом, могу ответить на этот вопрос отрицательно: в концептуальном отношении никак. Возможно, я «оживил» бы ее характеристиками некоторых исторических персонажей, воздержался бы от отдельных высказываний в стиле мета-нарратива («Англия на пути социальных, экономических, политических изменений»), уделил бы несколько больше внимания культурной символике и влиянию религиозного фактора на формирование британской внешней и колониальной политики. Однако, в целом, я не отказываюсь ни от одного слова (за исключением исправлений редакторского характера), и представляю книгу в том виде, в каком она была написана двадцать лет назад.

Ярославль. Апрель 2015 г.

¹ Здесь указаны некоторые из этих публикаций: Англия в XVIII веке: споры историков // Вопросы всеобщей истории. Рязань. 1997; Англичане о состоянии русского флота при Екатерине II // Вестник Костромского университета. 1997. Специальный выпуск; Граф Бэкингемшир при дворе Екатерины II. Документ из Королевского архива // Вопросы истории. 1999. № 4–5; «Очаковское дело». Англо-российский конфликт 1791 г. // Отечественная история. 2002. № 4; Происхождение среднего класса в Англии // Знание – сила. 2013. № 7–8; «Россия должна вернуть завоеванное». Как Очаковский кризис 1791 г. повлиял на русско-британские отношения // История. 2014. № 10; Прав ли Марк? Заметки о британской политике по отношению к России в XVIII веке // Родина. 2014. № 10.

² Здесь указаны немногие монографические работы: Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб. 1999; *Ego же*. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб. 2005; Ивошина Л. И. Война за испанское наследство. М. 2009; Киселев А. А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII – XVIII вв. Волгоград. 2012; Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII в. СПб. 2013; Малкин С. Г. «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–174 гг. СПб. 2011; Орлов А. А. «Теперь вижу англичан вблизи...» Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М. 2008; Сташков К. Н. Яков II и становление движения якобитов 1685–1701 гг. СПб. 2014.

Введение

«Правь, Британия, морями, британцы никогда не станут рабами». Эти знаменитые строки были написаны Джеймсом Томсоном в 1740 г. и стали гимном британскому патриотизму, морскому и имперскому могуществу Великобритании. Стоит, однако, вспомнить, что они появились в определенной исторической обстановке, через год после того, как в результате бурных политических споров в парламенте и прессе страна вступила в очередную войну с Испанией, этой самой богатой хозяйкой в колониальной Америке. Накануне и во время англо-испанской войны как никогда остро дебатировался вопрос о стратегии военных действий: то ли Великобритания как самая могущественная морская держава, отделенная проливом от остальной Европы, должна направить основные усилия на ведение военно-морских операций с целью захвата испанских владений в Америке или, по меньшей мере, для расширения там своей торговли; то ли ей как европейской державе следует признать, что судьбы войны решаются здесь, в Старом Свете. Очевидно, что вопрос о стратегии военных действий был лишь частью более широких и длительных дискуссий о соотношении европейской и колониальной политики, о степени вовлеченности в европейские дела, о методах колониальной экспансии. Строки Томсона отражали политическую концепцию, близкую сердцам депутатов-заднескамеечников: не бросать денег на войну в Европе, в конечном счете выгодную только британским союзникам на континенте, а, имея преимущество на морях, защитить торговые и колониальные интересы страны.

Хотя в парламенте речь шла о «защите» интересов, эта концепция совсем не была оборонительной. Историки довольно единодушно признают, что английскому обществу XVIII в. была свойственна «любовь к агрессии». Об этом писал видный либеральный историк Дж. Плам <1>. Л. Колли, одна из самых интересных исследователей, выступающих сейчас с критикой традиционной либеральной концепции в историографии, также замечает, что «жадность, а не Провидение позволили Великобритании в XVIII в. преуспеть в господстве над морями и значительной частью мира» <2>.

Во время политических дебатов в XVIII в. оказалось, что приверженность концепции морской войны и колониальных захватов рассматривалась в качестве одной из составляющих британского «патриотизма» наряду с признанием «исключительности» политического устройства этой страны, приверженностью протестантизму и англиканской церкви и ярко выраженным «антигаллизмом». Любопытно, что двумя самыми главными национальными героями в XVIII в. стали адмиралы Э. Вернон и Г. Нельсон. Если на отношение к генералам накладывался отпечаток негативного отношения к постоянной армии, то адмиралы безусловно прославлялись как наиболее почитаемые защитники короля, конституции и страны <3>. Особенно показательным созданием культа Вернона, героя взятия Порто Белло в 1739 г. Его источником стало не столько военное дарование и успехи, сколько политический интерес оппозиции, использовавшей фигуру популярного и враждебного Роберту Уолполу адмирала для критики правительства.

Разумеется, споры о том, насколько Англия должна быть вовлечена в дела континентальной Европы, не были абсолютно новыми, созданными исторической ситуацией XVIII в. Их истоки обнаруживаются и в средневековье, и тем более в эпоху Уолси и Реформации. Напомним, что одной из предпосылок Реформации в Англии была зависимость от папского престола <4>. В XVII в. в обстановке нарастания парламентской критики первых Стюартов тема внешней и колониальной политики приобрела важное значение. Достаточно вспомнить «Великую ремонстрацию», важнейший документ начала Английской революции середины XVII в. В нем Стюарты, в частности, обвинялись в том, что неправильно вели войны с Испанией: не надо было тратить время и деньги на бессмысленные операции в европейских морях, а было

необходимо направить флот для завоевания испанских владений в Вест-Индии. Удивительно, насколько это напоминает споры, которые велись столетие спустя.

В годы Реставрации Карл II действовал в основном в фарватере политики французского короля Людовика XIV, особенно в последние годы своего царствования. Это вызывало критику оппозиции. Только после Славной революции, когда голландец Вильгельм Оранский стал королем Англии, ее внешняя политика приобрела вполне самостоятельный и амбициозный характер. Принято считать, что при Вильгельме III произошла «революция во внешней политике», которая заключалась не только в том, что Англия сменила союзников и перешла к «системе короля Вильгельма», не только в том, что она оказалась в эпицентре европейской политики, став лидером в борьбе против Людовика XIV, но и в том, что формирование внешней политики, оставаясь прерогативой короны, приобрело более открытый характер. Хронологические рамки этой книги широки: они охватывают почти весь XVIII век, от обсуждения договоров о разделе испанского наследства до «очаковского кризиса» и Конституционного акта для Канады 1791 г. Только такой подход дает основания для выводов о наиболее общих закономерностях и тенденциях британской внешней и колониальной политики.

При исследовании истории XVIII в. вопрос о соотношении европейской и колониальной политики стоит более остро, чем для предшествующего периода. В XVIII в. европейская политика продолжала оставаться ведущим элементом в системе «внешняя-колониальная политика». Принимая решения по вопросам колониальной политики, министры и члены парламента, прежде всего, учитывали соображения, связанные с расстановкой сил в самой Европе; колонии оставались для них своеобразным «довеском», который улучшает баланс сил в Европе в пользу Англии. Важное наблюдение в связи с использованием самого термина «империя» сделал американский историк Р. Кобнер. Он подчеркивал, что и во второй половине XVIII в это понятие употреблялось в Англии не в современном смысле, а как синоним терминов «государство», «управление». Характерно, что один из руководителей Комитета по торговле Т. Поунэл опубликовал в 1752 г. книгу «Принципы политики, лежащие в основе гражданской Империи», которая была посвящена поискам более эффективных путей деятельности администрации, но никакого отношения к колониям не имела. Трудно допустить, что он мог смело экспериментировать с данным понятием, если бы его руководители из Комитета по торговле использовали его в том специфическом значении, которое придавалось ему позднее <5>.

С другой стороны, многие историки исходят из приоритета колониального фактора в формировании британской внешней политики. Ч. Уэбстер писал, что «сохранение и расширение империи являлось важнейшим, если не всегда решающим фактором в наших отношениях с европейскими странами. Поэтому в XIX веке Франция и Россия рассматривались как наши потенциальные враги, а Центральная Европа и Италия как возможные друзья» <6>. Не оспаривая мнения маститого историка, которое относится к истории XIX века, подчеркнем, что в XVIII в. соображения собственно европейской политики все же доминировали в политических дискуссиях. Колониальную политику Великобритании в первой половине XVIII в. не случайно называют политикой «благотворного пренебрежения». Британское правительство действительно стремилось в минимальной степени вмешиваться во внутренние дела колоний, заботясь, прежде всего, о том, чтобы управление ими было необременительным для метрополии, чтобы внутри колоний не возникало острых политических конфликтов, угрожающих ее господству. Даже во второй половине XVIII в., когда колониальная экспансия ускорила, а внимание к колониям, и прежде всего в парламенте, возросло, главным предметом заботы было по-прежнему то, чтобы расширение колоний, улучшение управления ими вело к обладанию преимуществами над европейскими соперниками, прежде всего над Францией. Если не проводить реформ, если не ставить управление колониями под государственный контроль, они могут быть потеряны для Великобритании и захвачены другими державами. Эта мысль проходит красной нитью через все дебаты, в том числе по поводу Канады и Индии. Конкретные

предложения могли различаться, но цель преобразований в сфере колониального управления виделась, прежде всего, в этом.

В связи с рассмотрением соотношения между внешней и колониальной политикой целесообразно вспомнить о том, что в новейшей историографии выделяется ряд наиболее важных теорий, которые призваны объяснить причины колониальной экспансии. Лучше всего эти теории разработаны на примере нового империализма, то есть империализма конца XIX – начала XX в. <7> Тем не менее они могут быть экстраполированы и на XVIII век. К их числу относятся наиболее традиционные экономические объяснения, когда борьба за колонии рассматривается как борьба за рынки сбыта и источники сырья, за экономическое господство в той или иной части света; социальные интерпретации, когда утверждается, что колониальная экспансия являлась, прежде всего, средством отвлечения народа от острых внутренних проблем; политические интерпретации, когда колониальную политику рассматривают как продолжение политической борьбы на европейском континенте; и, наконец, периферийные интерпретации, в соответствии с которыми истоки колониальной политики необходимо искать в развитии местных обществ, в том, что происходило непосредственно в колониях.

Уже в начале XVIII в. проявились две тенденции во внешней политике Англии. «Вигская» стратегия внешней политики приобрела особое значение после воцарения Вильгельма Оранского и развивалась в значительной мере под влиянием его дипломатического наследия. «Система короля Вильгельма» предполагала опору на «естественных союзников», которыми считались Голландия и Австрийская империя. В середине и второй половине XVIII в. эта роль принадлежала Пруссии и России. После воцарения Георга I в 1714 г. фактором, определившим возрастание значения «вигской» внешней политики, явились интересы Ганноверской династии, в том числе защита этого княжества и борьба с якобинством. В годы войн политики, придерживавшиеся таких взглядов, исходили из того, что главным театром военных действий остается европейский континент. В годы войны за испанское наследство эту линию поддерживал Мальборо. Наиболее последовательное отражение «вигская» концепция внешней политики нашла в деятельности министров Стэнхопа и Картерета.

«Торийская» концепция пользовалась более широкой поддержкой у «политической нации» (термин «political nation» употребляется в западной историографии для обозначения политически активного меньшинства). Она несла в себе заряд «невмешательства», хотя и не была изоляционистской в полной мере этого понятия. Тори рассматривали морскую мощь Великобритании как основу ее экономического процветания, как средство активной политики в колониях. Такая политика была в известной степени оборонительной в Европе и агрессивной за морями. Ее называли политикой «деревянных стен», или, чаще, стратегией «голубой воды». Как заметил историк Д. А. Бох, в ее проведении были заинтересованы те, кто участвовал в заморских предприятиях, кто получал доходы, снабжая флот. Он писал: «Стратегия «голубой воды» содержала в себе большую долю политического оппортунизма. Заморские цели были популярны, и оппозиция использовала это. Те, кто защищал данную политику, или обслуживали собственные экономические интересы, или обманывали себя, или и то, и другое» <8>. «Голубая вода» помогала создавать политические капиталы, но в практическом плане следовать ей в полном объеме было невозможно: Англия не могла игнорировать происходившее на континенте. В годы войн тори предлагали переносить основные военные действия на моря, в колонии. За это выступал в годы войны за испанское наследство лорд Рочестер, а в годы Семилетней войны (согласно традиционной точке зрения) Уильям Питт-старший. После 1763 г. Великобритания оказалась в международной изоляции. Это не было результатом сознательного следования «торийской» линии во внешней политике, а скорее следствием обстоятельств. Союз с Российской империей так и не был заключен, и прежде всего не потому, что англичане не хотели идти на уступки, а потому, что фактически российское правительство не стремилось к этому.

Обе отмеченные тенденции преломлялись в конкретной политике по-разному. Почти всегда существовала некая «средняя», компромиссная линия: лорда Ноттингэма во время войны за испанское наследство, герцога Ньюкастла во время Семилетней войны. Кроме того, политики совсем не обязательно действовали «по партийному признаку». Виг Стэнхоп заключил единственный за весь XVIII век союз с Францией. Виг Уолпол был фактически главным сторонником «невмешательства». Рассмотрение указанных тенденций во внешней политике Великобритании имеет значение и потому, что они получили продолжение в XIX и XX вв. Как писал в 1937 г. Р. Сетон-Уотсон, «сегодня никто не сомневается, что Стэнхоп и Уолпол определили то, что стало затем главной линией внешней политики Великобритании». В эпоху, когда некоторые государственные деятели считали, что главное – это империя, поэтому с Гитлером можно и договориться, этот историк напоминал об уроках Питта-старшего, заявившего, что Америка была завоевана в Германии <9>.

Историография внешней и колониальной политики Великобритании насчитывает огромное количество трудов, хотя тема политической борьбы по этим вопросам ставилась в большинстве из них лишь поверхностно. Тем не менее, ее решение напрямую связано с историографическими спорами о содержании, основных направлениях, мотивах политики Великобритании. Это делает неизбежным обращение ко всему широкому спектру работ, в которых затрагиваются различные аспекты темы.

Изучение зарубежной историографии колониальной политики Великобритании вызывает немалые трудности. Дело не только в количестве работ, но и в сложности классификации взглядов исследователей истории Британской империи. В зарубежной историографии на протяжении многих десятилетий доминировали консервативное и либеральное течения. Расхождения между консервативными и либеральными историками легко проследить при анализе проблем внутривнутриполитического развития Англии в XVIII веке, например, эволюции английского конституционализма. Однако по целому ряду вопросов истории британской колониальной политики их позиции смыкаются.

В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением А. М. Хазанова, заметившего: «Буржуазно-либеральное направление представлено группой историков, которые, не отказываясь от своих классовых позиций, осуждают колониализм и дают резко отрицательную оценку его воздействию на судьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки. Они внесли значительный вклад в разоблачение сущности колониализма. Работы многих из них обличают преступления колониализма, дышат ненавистью к расизму, и зачастую даже те из них, что посвящены далекому прошлому, звучат актуально, перекликаются со жгучими проблемами современности» <10>. Неправильно рассматривать в качестве критерия отнесения историка к одному из этих научных направлений степень остроты критики колониализма. Слишком часто это имеет политическую направленность, а не определяется весомыми аргументами. Кроме того, яростная критика колониализма характерна скорее не для либеральных, а для радикально настроенных исследователей, а также для некоторых историков колониальных в прошлом стран.

Можно выделить три главных этапа в развитии западной историографии проблемы колониальной политики Великобритании в XVIII веке. К первому этапу относятся попытки научного критического осмысления отдельных аспектов внешней и колониальной политики Великобритании, которые обнаруживаются в трудах историков XIX века. Элементы критического анализа в трудах английских историков в то время были незначительными, в них преобладала апологетика политического курса правящих кругов. Именно тогда были заложены основы известной концепции «цивилизаторской миссии» Великобритании.

Новый этап в изучении проблемы начался на рубеже XIXXX вв. и продолжался до 1960-х гг. Главная особенность развития историографии в эти годы состояла в приверженности историков экономическому подходу в объяснении проблемы. Интерес к экономической интерпретации истории Британской империи возник под существенным влиянием марксизма. Законо-

мерности развития британской колониальной экспансии рассматривались преимущественно с точки зрения ее экономической целесообразности для метрополии. На первые десятилетия XX века пришелся и пик интереса к дипломатической истории, также испытавшей влияние «экономизма».

Перелом в изучении проблемы произошел в 1960-е гг., что было связано с распадом Британской империи, а также с теми изменениями, которые начались в это время в методологии и методике исторической науки на Западе. Особенностью данного этапа стало появление большого числа работ, в которых содержится ревизия традиционных представлений о роли экономических мотивов в колониальной экспансии и внешней политике Великобритании.

Главной темой, которая привлекала внимание историков Англии в первой половине и середине XIX века, была история английского конституционализма. Г. Галлам идеализировал политическое устройство Англии в XVIII веке, полагая, что установившийся там режим конституционной монархии и парламентская система обеспечивали прогресс государства и права каждого человека. При изучении проблем внешней политики Англии Галлам также исходил из идеализированных оценок. Так, он связывал причины войны за испанское наследство не с экономическими и политическими противоречиями между европейскими державами, а прежде всего с необходимостью «защитить свободу Европы и сокрушить непомерную силу Франции» <11>.

Концепция Галлама нашла свое продолжение в трудах Т. Маколей. В центре его главного сочинения «История Англии от воцарения Якова II» деятельность Вильгельма III Оранского, к которому Маколей относился с преклонением. Отсюда вытекает односторонность в оценках антифранцузской политики этого английского монарха. В работах историков XIX века Маколей, Дж. Грина, Г. Бокля, Дж. Сили и других прослеживаются истоки концепции «цивилизаторской миссии» Великобритании. В английской историографии этого периода особенно подчеркивались заслуги Питта-старшего. Маколей восхищался его энергией, направленной на организацию колониальных экспедиций. Бокль утверждал, что Питт «возвел Англию на неслыханную дотоле степень высоты и величия» <12>. Интерес к фигуре «великого коммонера» не случаен: Питта рассматривали как государственного деятеля Великобритании, который впервые придал колониальной политике исключительное значение. В отличие от своих последователей историки XIX века откровенно говорили о значении военно-захватнических методов для создания Британской империи. Они однозначно одобряли применение силы для борьбы с соперниками в колониальных делах и подавления сопротивления завоевательной политике.

Завоевание Индии и превращение ее в колонию Великобритании рассматривалось в английской историографии XIX века как закономерное явление, имевшее важные положительные последствия для судеб мировой цивилизации. Даже известный своей либеральной критикой британской колониальной системы Дж. Милль, написавший в 1817–1818 гг. «Историю Британской Индии», утверждал, что англичанам пришлось взять на себя нелегкие функции «по обучению индийцев» <13>. По его мнению, накануне британской колонизации Индия находилась на крайне низкой ступени цивилизации, когда свободы человека были полностью подавлены деспотизмом, и потребовались немалые усилия колонизаторов, чтобы внедрить в сознание индийцев идею прав человека. Милль считал, что это оправдывало определенные негативные стороны колонизации, в том числе беззакония Ост-Индской компании и даже «великую коррупцию», которая охватила ее служащих после побед Роберта Клайва.

Нельзя сказать, будто бы историки XIX века положительно оценивали все стороны британской политики XVIII века. Они удивительно единодушны в своей подчас весьма резкой критике правления короля Георга III. Для них его «безрассудно-дурное управление» (определение Маколей) – причина отпадения североамериканских колоний от Британской империи. Особенно резок в отношении Георга III Бокль: «Всякая либеральная мысль, все, что сколько-нибудь походило на реформу... было предметом ужаса для такого ограниченного и

невежественного государя» <14>. Как видим, историки XIX века, главным предметом изучения для которых было конституционное развитие Англии, видели в короле Георге III консерватора и нарушителя народных вольностей, а также монарха, ответственного за губительную для Англии политику на международной арене. Эта концепция оказалась удивительно живой, и отзвуки ее до сих пор прослеживаются в учебниках и научной литературе.

Настоящий переворот в изучении колониальной политики Великобритании связан с именем Сили. О нем написано немало, в том числе и советскими историографами <15>. Тем не менее, вклад Сили в историографию остается, на наш взгляд, не в полной мере оцененным. Дело в том, что в условиях преобладания односторонне антиколониалистских подходов его концепция часто была объектом критики с политизированных позиций. Не сомневаясь в том, что Сили был сторонником сохранения и усиления могущества Британской империи, можно акцентировать внимание на том новом, что было внесено им в историографию. Именно Сили рассматривал колониальную экспансию как главный стержень истории Великобритании. Колониальная политика Лондона была, по его мнению, решающим фактором не только английской, но и мировой истории. Анализируя причины войны за независимость в Северной Америке, Сили в отличие от своих предшественников отказался от поверхностных обвинений в адрес Георга III и его министров и сосредоточился на выявлении объективных противоречий, которые коренились в самом функционировании «старой» колониальной системы. Она, по словам Сили, отнюдь не была деспотичной. Предоставив права колонистам во всех сферах деятельности, кроме торговли, метрополия подрывала свое господство над этими колониями.

Главное же состоит в том, что Сили, по сути дела, отрицал значение военно-силового фактора в создании Британской империи. Однако даже в Северной Америке, где массовая эмиграция действительно играла важную роль, не прекращались войны англичан с индейцами и европейскими соперниками. Сили оспаривал факты сознательно организованных метрополией насильственных действий даже в отношении Индии: «Ничто не было в истории более случайным, чем приобретение Индии Англией» <16>. Он заявил, что Индия стала британской колонией в результате действий «лунатика».

Как представляется, взгляды Сили можно рассматривать в связи с появлением в конце XIX – начале XX в методологических подходов в исторической науке, которые в советской историографии было принято называть «субъективистскими». Одной из черт, присущих этому течению, было сомнение в закономерности исторического развития, в известной степени апология случайности. В историографии Британской империи концепция Сили положила начало длительному спору о закономерности ее создания. Интерес к концепции, разработанной Сили, усилился с 1960-х гг.

В первой половине XX века в целом преобладала «объективистская» экономическая интерпретация колониальной экспансии в XVIII веке. Изучение экономических предпосылок колониальной экспансии в той или иной степени характерно и для «прогрессивистской» историографии 20–30-х гг., и для историков «имперской школы». Не случайно советский историк Н. А. Ерофеев упоминал о «выпячивании» экономических мотивов в трудах историков начала XX в. <17>. Английский историк Х. Эгертон утверждал, что в Англии главным мотивом колониальной политики была защита британских торговых интересов. По утверждению этого английского специалиста, «недалновидную и слабую, дающую минимальные результаты при максимально возможных конфликтах колониальную политику Великобритании в XVIII веке можно называть «тиранической» только игнорируя факты или смысл этого определения» <18>. В США историки «имперской» школы впервые сконцентрировались преимущественно собственно на политике Великобритании, придавая существенно меньше внимания по сравнению со своими предшественниками тому, что происходило непосредственно в колониях. Ответ на вопрос о причинах Американской революции они искали, прежде всего, в политике метрополии. По справедливому замечанию Н. Н. Болховитинова, Ч. Эндрюс рассматривал Аме-

риканскую революцию как «детонацию взрывоопасного материала», накаливавшегося долгие годы, как результат действия комплекса причин – экономических, политических, социальных, юридических <19>.

На конец XIX – начало XX вв. пришелся расцвет «дипломатической истории». Возникновение ее как отрасли исторической науки связано с именами Л. фон Ранке, Ф. Шлоссера. Позднее, в конце XIX века, «дипломатическая история» достигла особых успехов во Франции, где появились классические труды А. Сореля, А. Дебидура, А. Вандаля и др. В первые десятилетия XX века были написаны работы наиболее видных английских исследователей дипломатической истории Р. Сетон-Уотсона и Г. Темперлея. Вместе с тем при знакомстве с исторической литературой того времени, посвященной истории международных отношений, обнаруживаются следующие черты. Во-первых, XVIII век до начала Французской революции все же оставался на заднем плане по сравнению с наполеоновской эпохой и XIX веком. Во-вторых, тема политической борьбы по вопросам внешней политики почти не была затронута историками, в центре внимания которых находилось собственно дипломатическое соперничество между европейскими державами.

Хотя интерес к политическому устройству Англии издавна существовал в России, научное изучение ее истории началось довольно поздно, во второй половине XIX века, в условиях эмансипации российского общества, на фоне чего и происходило становление российской историографии зарубежной истории. Анализ появившихся тогда работ русских авторов, посвятивших их истории Англии в XVIII веке, позволяет увидеть влияние тех или иных английских историков. Сами отечественные специалисты признавали это. Г. Вызинский, издавший в 1860 г. публичные лекции «Англия в XVIII столетии», прямо признавал, что его «руководителем» в их составлении был Маколей.

По мере углубления реформ в России интерес к истории Англии возрастал: появились сочинения М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, А. Н. Савина и других исследователей. Однако главным предметом их изучения было конституционное развитие Англии. Ковалевский и Кареев выступили, прежде всего, как историки общественной мысли. Кареев в своей «Истории Западной Европы в новое время» затрагивал преимущественно политический строй европейских государств и почти не касался истории международных отношений. Интересно, что он весьма критически оценивал многие стороны английской истории. Это относится и к «дурным сторонам ее политического быта», и к ее внешней и колониальной политике, носившей, по его мнению, чисто буржуазный характер. Он отмечал выгоды, которые приобрела Великобритания благодаря войнам XVIII века, «отняв в разных частях света колонии у их прежних владельцев». «Особенно Англия выдвигалась как страна, в которой национальный интерес открыто отождествлялся с интересами торгового и промышленного класса, в то время как на материке он все еще не мог выйти из-под опеки интереса династического», – отмечал ученый <20>. Таким образом, работе Кареева нашло отражение признание экономического фактора в истории внешней и колониальной политики Великобритании, что было новым явлением в историографии того времени. В наши дни вопросы о том, насколько национальный интерес Англии в XVIII веке отождествим с интересами буржуазии, и о том, являлся ли династический фактор ведущим в определении ее внешней политики, являются предметом дискуссий в исторической науке.

Разумеется, сочинению Кареева была в полной мере присуща научно-корректная форма, характерная для трудов историков русской исторической школы. Этого нельзя сказать о некоторых других исследованиях. Брошюра П. Н. Буцинского проникнута буквально ненавистью к нации, которую автор именуется «разбойниками-островитянами», «извергами-англичанами». Смысл политики Великобритании этот автор видел в следующем: «Со времени Пит-та Англия уже не сходила в делах внешней политики с того пути, по которому так решительно шел этот знаменитый государственный человек. Divide et impera – вот главное правило политиче-

ской мудрости английских дипломатов. Нужно поддерживать раздор на континенте Европы, не пренебрегая для этого никакими средствами, поддерживать любую политическую неурядицу, чтобы, при случае, возможно было воспользоваться одной державою против другой. Но и в отношении покоренных стран английское правительство держалось того же правила. С того времени, как Франция утратила свое положение в Индии, Америке и Африке, а ее место заняла Англия, и начинается скорбная жизнь туземцев этих стран. Неверно, когда англичане говорят, что они вносят в покоренные страны блага цивилизации, нет! Они вносят только разбой, раздор и грабительство, а если нужно, то и совершенное истребление туземцев» <21>. Разумеется, по резкости и предвзятости суждений сочинение Буцинского было исключительным в русской историографии.

Многие работы советских историков, посвященные внешней и колониальной политике Великобритании, в большей или меньшей степени отличались англофобией, которая особенно отчетливо нашла отражение в историографии сталинского периода. Главным источником англофобии явился диктат тоталитарного государства Указание историкам, как следует оценивать английскую политику, дал сам И. В. Сталин: «Но английская буржуазия не любит воевать чужими руками. Она всегда предпочитает войну чужими руками, и ей иногда действительно удавалось найти дураков, готовых таскать для нее каштаны из огня». Отныне всем советским историкам стало ясно, как именно следует разоблачать британских империалистов. Страстность обвинений в адрес Великобритании особенно возростала, когда англо-советские отношения обострялись. Так было, например, когда потребовалось «по достоинству оценить все гнусное лицемерие англо-французских «аргументов» против советской политики мира и оказания братской помощи освободительной борьбе финского народа» <22>. Один из основоположников советской историографии, Ф. А. Ротштейн исключительно черными красками изображал историю колониальных владений Великобритании. По его словам, именно «англо-норманны» были создателями пиратства, и именно английские пираты, «выманенные из их логова» богатствами Америки, стали зачинателями эры колониального разбоя. В британских владениях наблюдается «картина при всем разнообразии своих красок имеющая один и тот же основной фон – завоевание и закабаление, один и тот же повторяющийся узор эксплуатации и бесправия» <23>.

Возможно, что работа Е. В.Тарле, написанная еще в 30-е гг., но опубликованная только в 1965 г., остается одним из лучших исследований советских историков, в которых затронута колониальная политика Великобритании, хотя содержание книги значительно шире этой проблемы <24>. Е. В.Тарле акцентировал внимание главным образом на двух аспектах колониальной политики Великобритании в XVIII веке: на особенностях ее проведения в североамериканских колониях и на связанных с этим причинах войны за независимость, а также на объяснении успехов завоевательной политики Англии в Индии. Тезисы, сформулированные этим историком, впоследствии развивались другими советскими исследователями. Вслед за Тарле в советской историографии утвердилось мнение о безальтернативности войны за независимость, сформулированное им следующим образом: «Не потому все-таки в конце концов вспыхнула американская революция, что Таунсенд был глуп, а король Георг III упрям, а потому, что самый конфликт между интересами английского капитала и интересами американских колонистов был в те времена совершенно неразрешим никаким компромиссом» <25>. Во многом от Тарле идет традиция критики английской историографии колониализма, в которой «замалчиваются самые гнусные злодеяния и самые гнусные издевательства, разрешенные себе английскими генерал-губернаторами и их подчиненными, либо эти преступления характеризуются в таких мягких и ласковых тонах, что все убийства и грабежи, произведенные английскими генералами, офицерами и солдатами, а также купцами и приказчиками Ост-Индской торговой компании, представляются грустными, но неизбежными деталями, тонушими в общей лучезарной картине» <26>.

Критика английской и американской историографии нашла отражение в работах И. С. Звавича. Он выступал против утверждения, будто внешняя политика Англии всегда была направлена на достижение «равновесия сил» в Европе. Звавич решительно отрицал тезис некоторых английских ученых о том, что Англия всегда от Питта-старшего и до Ллойд-Джорджа являлась «непрестанной защитницей свободы малых народов и идеологом доктрины «невмешательства». Он считал, что Англия вмешивалась во внутренние дела других стран, применяя прямые военные методы, и делал вывод, что «британская буржуазия, душительница революций, охотно связывалась с реакционно-феодальной заграницей, видя в ней удобных контрагентов, а иногда и союзников в борьбе с местными прогрессивными (буржуазными) силами» <27>. Как видим, оценки внешней политики Великобритании в работах Звавича тенденциозны. Разумеется, критические замечания советских историков в адрес отдельных английских и американских специалистов могли быть справедливыми, однако односторонность проявилась в том, что определенные тенденции в развитии зарубежной историографии абсолютизировались, распространялись на всех историков без учета разнообразия подходов, существовавших в исторической науке. Несогласие вызывает политическая заостренность «обвинений».

В 60–80-е гг. изучение проблем колониальной политики Великобритании было продолжено. Лучшие работы советских историков, написанные в это время, основаны на более широком, чем раньше, круге источников, обнаруживают более глубокое знание трудов зарубежных исследователей. Однако прежняя концептуальная платформа в основном сохранялась. Показательно, что по-прежнему любые попытки западных историков разрабатывать концепции, отличные от прямолинейного осуждения колониальной политики Великобритании, отвергались советскими специалистами. Усилия зарубежных историков, направленные на поиск новых концепций истории Британской империи, отражающих политическую реальность, связанные с ее распадом, характеризовались в советской историографии как «новейшие модификации дряхлой теории о «цивилизаторской» миссии белого человека» <28>. Различие мнений, дискуссии в западной историографии разъяснялись подчас упрощенно: «Однако конкурентная борьба между империалистами зачастую приводит к тому, что буржуазные историки той или иной страны предаются разоблачениям «страны-антагониста». Так, современные боннские колониалисты, желая облегчить своим монополиям проникновение в афро-азиатские страны, пытаются использовать ненависть их народов к английским и французским поработителям» <29>. Научные дискуссии низводились, таким образом, до уровня политических споров в интересах собственной национальной империалистической буржуазии.

Как и в предшествующие годы, советские историки преуменьшали или вовсе игнорировали положительные последствия британской колонизации. Иные мнения, существовавшие в западной историографии, клеймились как «идеализация» и «фальсификация» политики колониальных держав. Утверждалось, что невозможно дать объективную характеристику колониальной политики Великобритании с позиций, отличных от марксизма и однозначной критики колониализма. Высказывалось мнение, что английские историки не заинтересованы в объективном изучении истории Британской империи: «Но хотя империя уже в прошлом, британский империализм жив. Поэтому английская буржуазная историография проявляет крайнюю сдержанность и осторожность в истолковании идеалов империи. Классовая функция буржуазной исторической науки ограничивает ее познавательные возможности и толкает ее на путь искажения реального исторического процесса» <30>.

В работах К. А. Антоновой, Ерофеева, А.Б. Каплан, О. Орестова, К. Н. Татариновой и других специалистов рассматривалась колониальная политика Англии в Индии. Антонова, автор фундаментального исследования по этому вопросу, делала вывод, что «вся «цивилизаторская» деятельность англичан, которой они так любят похвастаться, также объясняется потребностями самих колонизаторов. По сравнению с теми бедами и тем наследием нищеты и отсталости, которое английские правители Индии оставили после себя, почти незаметны те

крупницы полезных начинаний, которые колонизаторы вынуждены были провести в Индии в своих собственных интересах» <31>.

В советской историографии неоднократно ставится вопрос о причинах войны за независимость в североамериканских колониях Англии. Справедливо подчеркнуть, что работы советских американистов, опубликованные в 70–90-е гг., отличались солидной документальной базой, глубоким анализом западной, главным образом американской, историографии. В то же время на первом плане у них (по вполне понятным причинам) была собственно американская история, действия самих колонистов, а политика метрополии оставалась в известной мере на заднем плане. Ценность историографических исследований советских американистов состоит, прежде всего, в том, что в них раскрыты различные концепции, существующие в историографии США в истолковании причин Американской революции. Отечественные историки внесли вклад в критику «консенсусных» теорий в американской историографии, в обоснование того тезиса, что события 1775–1783 гг. были не просто общей борьбой американцев против метрополии, чисто антиколониальным движением, а являлись одновременно и социальной революцией, порожденной глубокими внутренними противоречиями в колониальном обществе.

В историографии времени «застоя» апологетические оценки внешней политики России продолжали сохраняться. В.Б. Кобрин заметил, что «в стереотипах, существовавших до самого последнего времени (не только в сознании, но и не в писаных редакционно-издательских законах), во внешней политике Россия всегда была права, даже если на престоле был Иван Грозный или Николай I» <32>. Это относилось и к оценке англо-русских отношений в XVIII веке, а также сказалось на изучении внешней политики Великобритании в целом. Так, Н. Н. Молчанов, безусловно оправдывая все действия Петра I на международной арене, в ошибочном свете представил взгляды Карла Маркса по данному вопросу. Он писал: «Маркс специально исследовал внешнюю политику России и убедительно показал, что территориальные приобретения Петра, в отличие от завоеваний его современников – Людовика XIV и Карла XII – были исторически оправданы объективными потребностями развития России, что побережья Балтийского и Черного морей, естественно, должны были принадлежать ей. Возвышение России Маркс считал результатом закономерного исторического процесса, а не просто «беспочвенным импровизированным творением гения Петра Великого» <33>. Однако достаточно прочитать работу Маркса «Секретная дипломатия XVIII века», ставшую известной широкому отечественному читателю только в 1989 г., чтобы убедиться: Маркс рассматривал не только завоевание Прибалтики, но и построение Петербурга как проявления агрессивной имперской политики России. Не удивительно, что Молчанов дал в своей монографии одностороннюю оценку русско-английских отношений. Для понимания концепции этого автора приведем только одно его замечание: «Под покровом дипломатической пристойности Англия вредила России везде, где только могла» <34>. Такой подход до крайности упрощает в действительности очень сложную картину развития международных отношений в XVIII веке, препятствует пониманию настоящих причин тех или иных действий как со стороны Англии, так и России.

Более взвешенные характеристики внешней политики Петра I появились в отечественной историографии в последние годы. В. Е. Возгрин подчеркнул, что подчас мотивы внешней политики тех или иных стран оценивались отечественными историками односторонне <35>. Хотя в своих выводах Возгрин соглашался с мнением предшественников (Т. К. Крылова, Л. А. Никифоров и др.) об «антирусской направленности английской политики после Полтавы, о враждебных силовых приемах в отношении России» со стороны английской дипломатии, новое состоит в том, что он пытался анализировать дипломатическую ситуацию не с точки зрения исключительно русских интересов, но и с точки зрения представлений английских политических деятелей. При этом Возгрин полагал, что английские политики ошибочно оценивали международную обстановку, возникшую в связи с Северной войной. Е. В. Анисимов,

безусловно отвергая достоверность пресловутого «завещания Петра», пишет, что составитель этого документа «уловил многие общие тенденции имперской политики России XVIII века и экстраполировал их на более раннюю историю – точнее, на время Петра. Бесспорно, что великий реформатор стал не только основателем Российской империи, но и имперской политики, начала которой были успешно развиты его преемниками, особенно Екатериной II» <36>. Если это так, то должны быть смещены акценты в характеристике русско-английских отношений, а отчасти и внешней политики Великобритании в XVIII веке. В этой связи можно вспомнить, что Маркс называл политику, которую проводили в отношении России в XVIII в. «тауншенды, стенхоупы и др.», «русофильской». «Ни современники Петра I, ни последующее поколение англичан не получили никакой выгоды от продвижения России к Балтийскому морю. Англия не была заинтересована в предательской поддержке, которую она оказывала России против Швеции» <37>.

Как видим, проблема внешней и колониальной политики Великобритании привлекла внимание отечественных специалистов. Однако главное значение придавалось критике ее имперской направленности, развитию англо-русских отношений и некоторым другим вопросам. Лишь немногие авторы (Антонова, Татаринова, Е. Б. Черняк и др.) затронули тему политической борьбы в Англии по вопросам внешней и колониальной политики, но лишь в самом общем виде.

В последние десятилетия в западной историографии Британской империи прослеживаются дискуссии между историками, испытывающими влияние марксизма, и теми, кто отрицает первостепенную значимость экономического фактора для объяснения ее истории. Известный английский историк Э. Хобсбоум прослеживал связь между колониальной политикой и промышленным переворотом. Он полагал, что раннее начало промышленной революции в Англии было напрямую связано с успехами этой страны в приобретении колониальных владений: «Страна, преуспевшая в захвате у других народов рынков для экспорта товаров и даже в монополизации огромной части мировых рынков, смогла развить свою промышленность до такой степени, что промышленная революция стала возможной на практике и неизбежной» <38>. Хобсбоум утверждал, что экономические требования всегда являлись самыми значимыми для лиц, руководивших колониальной политикой.

В известной степени «этапной» работой в английской историографии колониальной политики Великобритании стала двухтомная фундаментальная монография В. Харлоу, которая положила начало не прекращающейся до настоящего времени дискуссии о характере этой политики <39>. Харлоу утверждал, что в век А. Смита такие государственные деятели, как лорд Шелборн и У. Питт-младший, исходя из уроков Семилетней и Американской войн, осознанно направили свои усилия от Атлантики к потенциальным рынкам Востока и Тихоокеанского региона. Вторая Британская империя не была империей в традиционном смысле, а являлась империей для торговли, «цепью торговых постов, защищенных военно-морскими базами, которые располагались в стратегически наиболее важных точках Земного шара». Создание Второй Британской империи отражало потребности английской буржуазной промышленности. «Натиск» на Восток представлял собой «осознанное возрождение» прежних намерений, направленных к созданию новых рынков и проявившихся еще при Елизавете Тюдор, когда «Тихое и Южное моря были в центре национальной политики» <40>. Сторонники Харлоу утверждают, что планы переориентации британской колониальной политики после Американской войны разрабатывались в правящих кругах Великобритании вполне целенаправленно. Напротив, его оппоненты, признавая, что английские политики действительно были во многом дезориентированы итогами Американской войны, исходили из того, что говорить о появлении принципиально новых подходов к колониальной политике было бы неверно. «Приоритеты в имперской мысли были скорее результатом интуитивных попыток реагировать на происшедшее, чем следствием ясной политики», – пишет Д. Макэй <41>.

В некоторых исследованиях, появившихся в 60–90-е гг., наблюдался отказ от концепции, в соответствии с которой создание Британской империи было обусловлено экономическими причинами. Группа историков рассматривает создание Британской империи как результат совпадения случайных обстоятельств. Подчас подвергается сомнению правомерность самого термина «Британская империя», так как английская политика в Индии не имела якобы ничего общего с политикой в Канаде, а действия британцев в Африке с их действиями в Австралии и т. д. <42> Отказываясь от теорий «экономического империализма», некоторые историки указывают на необходимость привлечения в историографию Британской империи достижений и методов, которые имеются в «социальной истории». Канадский историк Дж. Стил посвятил свое исследование истории коммуникаций в Северной Атлантике, считая изучение этого вопроса необходимой составной частью историографии Британской империи <43>. Он пришел к выводу, что в конце XVII – первой половине XVIII века произошла «революция в области коммуникаций», предопределившая быстрый рост численности населения колоний, что и создало в конечном счете предпосылки войны за независимость.

Английский историк П. Маршалл посвятил свои труды британскому завоеванию Индии. Они также могут быть отнесены к «ревизионистскому» направлению в изучении проблемы <44>. По мнению Маршалла, британское завоевание Индии совершалось без прямого участия английского правительства и даже самой Ост-Индской компании. Первые английские правители и генерал-губернаторы Индии вообще мало считались с решениями, принятыми парламентом или кабинетом министров в Лондоне. Из этого делается вывод, что «настоящее правительство Индии находилось в самой Индии». Маршалл отверг концепции тех исследователей (Хобсбоума, в частности), которые считали, что завоевание Индии предопределялось промышленным переворотом и способствовало ему, назвав их «невероятными». С аналогичных позиций подходит к рассмотрению колониальной политики Дж. Блэк: «Каково бы ни было желание правительств в европейских столицах, они не могли приостановить колониального соперничества. Купцы, поселенцы и колониальные губернаторы легко шли на риск конфликта для достижения своих целей. Конфликты были особенно острыми в Северной Америке, Вест-Индии и Индии, но они проявились также и в других районах, в частности, в Западной Африке, Южной Атлантике и Тихом океане» <45>.

Историография работ, посвященных внешней политике Великобритании в XVIII веке и опубликованных в 60–90-е гг., обширна. Труды историков посвящены различным аспектам внешней политики Великобритании. Можно выделить некоторые наиболее характерные черты, присущие нынешнему этапу в изучении этой темы. Во-первых, в историографии возрос интерес к тому аспекту внешней политики Великобритании, который и является предметом настоящего исследования. Речь идет о внутривнутриполитических факторах внешней политики, об ее обсуждении в парламенте и общественном мнении (Блэк, Дж. Джонс, М. Робертс и др.). Во-вторых, для современной историографии характерны острые дискуссии по таким вопросам, как роль короны, парламента и общественного мнения в формировании внешней политики. Обсуждается вопрос о том, как влияли на политику Англии коммерческие интересы определенных социальных групп. Историки по-разному оценивают внешнеполитический курс Великобритании после Парижского мира 1763 г. Была ли политика Англии политикой «блестящей изоляции», и в какой степени те, кто проводил ее, ответственны за поражение метрополии во время Американской революции?

Источники, привлеченные для изучения политической борьбы в Англии по вопросам внешней и колониальной политики, разнообразны. Их можно условно разделить на две основные группы: архивные источники и опубликованные документы. Для написания данного исследования удалось привлечь документы из Королевского архива в Виндзоре (Великобритания), Российского государственного Архива древних актов (РГАДА) и в большей степени Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). В британском архиве изучены бумаги,

относящиеся ко времени правления Георга III. Большая часть из них была опубликована <46>. Основная часть документов из российских архивов – реляции русских дипломатов из Лондона в адрес царственных особ, а также руководителей внешней политики Российской империи. Ценность этого источника определяется, во-первых, тем, что донесения дипломатических представителей, непосредственно контактировавших с английскими политиками, позволяют уточнить политические позиции последних, содержат важные свидетельства о политической борьбе в Англии. Во-вторых, к реляциям дипломаты часто прилагали копии тронных речей монархов, выдержки из журналов парламентских дебатов, экземпляры газет, содержание которых по какой-либо причине привлекло внимание агента, отдельные памфлеты.

В то же время в работе с архивными документами приходится обратить внимание на следующее. Во-первых, достоверность сообщаемых в Петербург сведений не всегда была полной. В своих рассуждениях дипломаты не только опирались на собственные впечатления, которые могли быть обманчивыми, но и руководствовались подчас слухами, посторонними мнениями, исходили из собственного представления о расстановке политических сил при королевском дворе. Их отношение к Великобритании и к ее государственному строю было неодинаковым, что также налагало отпечаток на реляции. Граф А. Воронцов был англоманом. С большим сожалением он расставался с Лондоном в 1764 г., а позднее писал об англичанах: «Нет народа, в котором в приватной жизни было бы больше добродетели, праводушия и дружбы, как у них; хорошо жить и родиться там» <47>. Напротив, граф И. Чернышов просит об отъезде, да и суждение англичан о нем было скорее нелестным.

Во-вторых, русские дипломаты по-разному оценивали степень актуальности тех сведений, которые они сообщали в Петербург. Все они в большей или меньшей степени информировали свое правительство о течении дел на периферии Британской империи, однако анализ проблем колониальной политики Великобритании редко был глубоким. Так, Г. Гросс, сообщая в марте 1764 г. о возвращении в Индию лорда Клайва, «который в минувшую войну толико славы и пользы доставил в Бенгалии», в то же время замечал: «Утруждать Ваше Величество излишне полагаю за тем, что сия материя никак не сопряжена с интересами Вашей империи» <48>. Внимание русских дипломатов было сконцентрировано главным образом на европейских делах, причем преимущественно на том, что касалось англо-русских отношений или непосредственно затрагивало интересы России (например, Польша, Швеция). Все дипломаты уделяли внимание парламентским дебатам по вопросам внешней политики, но они подчас ошибочно оценивали роль парламента в выработке политического курса страны, причем спектр оценок был разнообразен: от преувеличения до преуменьшения его роли.

В-третьих, дипломаты в разной степени пользовались доверием со стороны местных политиков, следовательно, отличались уровнем своей информированности. Иногда это определялось их личными качествами и связями, чаще – особенностями ситуации в русско-английских отношениях и в отношениях между европейскими державами в целом. Депеши А. Голицына или А. Воронцова – это большей частью подробное изложение бесед с английскими политиками. У Алексея Семеновича Мусина-Пушкина таких встреч, возможно, было меньше, но он гораздо больше внимания уделил общей характеристике политического строя Англии, внутривнутриполитической ситуации, некоторым особенностям ее социально-экономического развития. В целом архивные дипломатические источники позволяют углубить знание о политических дискуссиях, проходивших в Англии, заметить детали, которые трудно увидеть при анализе, например, парламентских документов Авторское отношение посла, его комментарий или, наоборот, стремление скрыть собственную оценку могут подтолкнуть к важным выводам.

Опубликованные источники можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся дипломатические документы: договоры и соглашения, в которых участвовала Великобритания в XVIII веке, переписка, включающая как правительственные инструкции, так и донесения послов и агентов более низкого ранга. Наиболее важная для нас часть британ-

ской дипломатической переписки опубликована в сборниках Императорского Русского исторического общества в 1873–1901 гг. <49>. Эта публикация охватывает донесения английских послов в России от Ч. Уитворта до царствования Екатерины включительно. Значение этой обширной публикации трудно переоценить не только с точки зрения изучения англо-русских отношений. Эти документы позволяют судить об основных направлениях английской политики в Европе, оценить мотивы действий британских министров на международной арене. В распоряжении исследователей имеется публикация инструкций английским дипломатам во Франции, Швеции и Дании <50>. Важным дополнением к архивным материалам являются документы, опубликованные в «Архивах» князя Ф. А. Куракина и князей Воронцовых, где опубликованы бумаги и братьев Александра и Семена Воронцовых, стоявших во главе посольства в Лондоне, и бумаги знаменитого дипломата петровского времени Б. И. Куракина <51>. Эти документы касаются не только политики, но и затрагивают вопросы культуры, быта, нравов.

Вторая большая группа опубликованных источников – документы парламента Великобритании. В русле избранной темы исследования этот источник является наиболее информативным. В плане разработки проблемы политической борьбы в Англии по вопросам внешней и колониальной политики одинаково важны как официальные парламентские документы (билли и законы, утвержденные парламентом), так и материалы дебатов, речи и выступления членов обеих палат. Некоторые издания парламентских документов включают и тексты петиций, поступавших в парламент, их анализ способствует оценке позиций, которые занимали отдельные социальные группы общества, а также позволяет судить о том, как проходило лоббирование тех или иных политических решений. В довольно полном виде документы парламента содержатся в журналах палаты лордов и палаты общин <52>. В то же время по журналам нелегко проследить содержание дискуссий: в XVIII в. сохранялась тайна прений в парламенте. Большая часть трудов историков, как отечественных, так и зарубежных, посвященных различным аспектам истории Англии в XVIII веке, в значительной мере основывается на издании парламентских документов, осуществленном Уильямом Коббетом <53>. При анализе выступлений в парламенте необходимо учесть, что концепции, сформулированные в них, часто отражали прежде всего стремление ораторов защитить собственные политические интересы. Поэтому речи в парламенте могли не только реально отражать, но, напротив, маскировать, то есть скрывать, сглаживать или чрезмерно усиливать действительные позиции ораторов.

Это соображение еще более актуально, когда речь идет о политической публицистике и памфлетной литературе. В какой степени политическая публицистика, в которой затрагивались проблемы внешней и колониальной политики, действительно влияла на процесс принятия решений? Влияние партийной пропаганды на политиков – это та часть проблемы, которая не нашла пока должного освещения в исторической литературе. Иногда историки цитируют произведения памфлетистов, мало задумываясь над тем, велико ли было их воздействие на политическую жизнь. Подчас прослеживается тенденция к преувеличению их влияния. Острые вопросы внешней и колониальной политики могли породить настоящие «памфлетные войны». Так было и во время подготовки Утрехтского мира, так было и во время заключения Парижского мира, когда памфлетисты яростно обсуждали: что уступить Франции – Канаду или Гваделупу. У Питта-старшего были основания спрашивать: «Скажите мне, за что меня повесят – за то, что я отдам Канаду, или за то, что отдам Гваделупу?»

К этой группе источников относятся труды видных политических деятелей Великобритании, опубликованные в различных сборниках и собраниях сочинений. Среди них произведения лорда Болингброка, Питта-старшего и Питта-младшего, Эдмунда Берка и других политиков. Большинство из включенных в эти сборники произведений – их выступления в парламенте, но не всегда. Так, в собрании сочинений Берка, который, по словам Мусина-Пушкина, «превосходным красноречием, искусством и разумом отличен ныне» <54>, опублико-

ваны и некоторые из его речей перед избирателями, публицистические произведения. Проблемы внешней и колониальной политики рассматривали многие известные представители общественной мысли и экономисты Великобритании XVIII века: Дж. Свифт, Д. Дефо, Дж. Аддисон, Р. Стил, А. Смит и другие. Многие памфлеты принадлежали перу менее известных авторов или были анонимными.

В распоряжении исследователей внешней и колониальной политики Великобритании имеются публикации официальной и личной переписки отдельных английских политиков XVIII в. К их числу относятся публикации переписки королевы Анны, короля Георга III, Мальборо, Годольфина, Питта-старшего, лорда Норта и других. Ценные сведения о противостоянии различных британских политиков, о группировках при дворе можно получить при изучении мемуарной и дневниковой литературы. В этом плане мемуары могут быть даже более информативны, чем любые другие источники. Самыми знаменитыми мемуарами XVIII в. являются мемуары Г. Уолпола. Об эпохе Георга II повествуют мемуары лорда Хервея, о времени Георга III – известные мемуары парламентского деятеля У. Рэкселла.

Изучение политической борьбы по вопросам внешней и колониальной политики помогает преодолевать стереотипы, которые сохраняются в освещении истории Англии. Миф о «коварном Альбионе» возник еще в XVIII в. и имел в своей основе, в частности, разрыв Англии с союзниками накануне заключения Утрехтского мира. В трудах историков можно встретить указания на «беспримерную жестокость» британских колонизаторов, на то, что наследием Британской империи стали лишь тяготы и бедствия для народов бывших колоний. Эти стереотипы во многом проистекают из особенностей дипломатической борьбы XVIII–XIX вв., а также из упрощенного представления о колониализме как об абсолютном зле.

Все же главный из стереотипов состоит в ином. Под влиянием традиционной либерально-вигской историографии XIX в. Англию XVIII века до сих пор изображают как страну, существенно отличавшуюся от стран континентальной Европы по уровню своего социально-экономического и политического развития. В традиционной интерпретации Англия XVIII века – это страна, добившаяся исключительных успехов в области промышленного производства, где бурное развитие производства вылилось в промышленную революцию, в корне изменившую ее экономический и социальный строй, поднявшую ее на новый этап развития, являвшийся первой ступенью современной капиталистической цивилизации. В традиционной интерпретации Англия XVIII века – это страна, где установился «правильный» баланс властей, где существовала относительная социальная и политическая стабильность, где последовательно развивались конституционно- демократические институты управления. В традиционной интерпретации Англия XVIII века – это страна, населению которой был присущ дух свободомыслия, где утвердилась терпимость, где идеи Просвещения появились раньше, чем в других странах, и укрепились глубже в сознании людей.

Исследования, проведенные историками в последние годы, позволяют усомниться, насколько такая картина соответствует действительности. Английский консервативный историк Дж. Кларк и его последователи предприняли небезуспешную попытку «ревизии» традиционных концепций. Кларк утверждал, что Славная революция не внесла коренных изменений в жизнь английского общества, которое и в XVIII в. оставалось глубоко консервативным в своих основах. По структуре и менталитету оно было гораздо ближе к XVII веку, чем к XIX столетию. Для Англии в XVIII веке было характерно сохранение огромного влияния церкви и веры в Бога, патриархальность, сильная монархическая власть, находившая широкую поддержку в обществе. Кларк считал, что в социальном плане гораздо более показательным для характеристики общества того времени был не рост буржуазного среднего торгового класса, а сохранение доминирующих позиций, которые занимала земельная аристократия. По его мнению, термин «старый порядок», обычно применяемый по отношению к континентальным странам, вполне подходит и для Англии. «Старое общество» вплоть до либеральных реформ 1830-х

гг. имело три самых важных черты: оно было англиканским, аристократическим и монархическим. Джентльмены, англиканская церковь и корона осуществляли интеллектуальную и социальную гегемонию», – писал он <55>.

Результаты исследований Кларка, аргументы, выдвинутые его сторонниками и противниками, должны учитываться при изучении политической борьбы по вопросам внешней и колониальной политики. Если у власти продолжала оставаться земельная аристократия, то какова была роль буржуазии, и в какой мере внешняя и колониальная политика отражала потребности капиталистического развития Англии? Если Англия продолжала оставаться монархическим государством и главные прерогативы в определении внешней политики принадлежали королю, то какова была роль парламента и в какой мере следует учитывать материалы парламентских дебатов по этим вопросам? Не правильнее ли сказать, что все принципиальные решения принимались узким кругом лиц, окружавших монарха? Эти и другие вопросы, являющиеся в настоящее время темой для обсуждения в современной историографии, неизбежно встают, когда речь идет о содержании политических дискуссий в правящих кругах Англии в XVIII в.

Примечания

1. *Plumb J.* The First Four Georges. L., 1957. P. 14.
2. *Journal of British Studies.* 1986. V. 25. N 4. P. 359.
3. *Journal of British Studies.* 1989. V. 28 N 3. P. 202.
4. См., напр.: *Black J.* Convergence or Divergence? Britain and the Continent. L. 1994.
5. *Koebner R.* Empire. Cambridge. 1961. P. 86–87.
6. *Webster Ch.* The Art and Practice of Diplomacy. L. 1961. P. 17.
7. См.: *Porter A.* European Imperialism, 1860–1914. L. 1994.
8. *International Historical Review.* 1988. V. X. N 1. P. 42–43.
9. *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe, 1783–1914. Cambridge. 1955. P. 4–7.
10. Новая и новейшая история. 1989. N 4. С.75.
11. *Hallam H.* A Constitutional History of England. V. 3. L. 1867. P. 209.
12. *Бокль Г. Т.* История цивилизации в Англии Т. 1. 4.2. СПб., 1864. С. 508.
13. *Mill J.* The History of British India. V. 1. New Delhi, 1972. P. 456.
14. *Бокль Г. Т.* Указ.соч. С. 504.
15. *Seeley J.* The Expansion of England. Leipzig. 1884. О нем см. работы Л. Н. Еремина, И. С. Звавича, И. П. Субботиной и др.
16. *Ibid.* P. 189.
17. *Ерофеев Н. А.* Империя создавалась так... М., 1964. С. 1 18.
18. *Egerton H. A.* Short History' of British Colonial Policy. L., 1941. P. 1 17.
19. *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 52.
20. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. Т. 3. СПб., 1908. С. 130.
21. *Буцинский П. Н.* Основные черты английской политики в XVIII веке. Харьков, 1904. С. 4.
22. Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 1. С. 1 10.
23. Большевик. 1946. № 19. С. 46.
24. *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.-Л., 1965.
25. Там же. С. 204.
26. Там же. С. 328.
27. Вопросы истории. 1947. № 2. С. 101.

28. Новая и новейшая история. 1968. № 2. С. 84–85.
29. См.: Кризис новейшей буржуазной историографии. М.-Л., 1961.
30. Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 270.
31. Антонова К. А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958. С. 272.
32. Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 186.
33. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1972. С. 7.
34. Там же. С. 259.
35. Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.
36. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 417.
37. Вопросы истории. 1989. № 3. С. 6.
38. Hobsbawm E. Industry and Empire. L. 1977. P. 33.
39. Harlow V. T. The Founding of the Second British Empire, 1763–1793. V. 1–2. L., 1952–1964.
40. Ibid. V. 1. P. 3–4.
41. Mackay D. In the Wake of Cook. Exploration, Science and Empire. 1780–1801. N. Y., 1985. P. 192.
42. Hyam R., Martin G. Reappraisals in British Imperial History. L., 1975.
43. Steele J. The English Atlantic 1675–1740. Oxford. 1986.
44. Marshall P. Problems of Empire. L., 1986; *Idem*. East India Fortunes. Oxford. 1976; *Idem*. Bengal: the British Bridgehead. Cambridge. 1987 и др.
45. Black J. Natural and Necessary Enemies. Anglo-French Relations in the Eighteenth Century. L., 1986. P. 154.
46. The Correspondence of King George III. V. 1–6 / Ed. by J. Fortesque. L., 1927–1928; The Later Correspondence of George III. V. 1–5 / Ed. by A. Aspinall. Cambridge. 1961.
47. Исторический вестник. 1898. Май. С. 570.
48. АВРПИ. Ф. 35. Оп 6. Д. 154. Л. 42.
49. Сб. РИО. Т. 12, 18, 19, 50, 61, 66, 76, 80, 85, 91, 99, 102, 103, 110. СПб., 1873–1901.
50. British Diplomatic Instructions, 1689–1789 /Ed. by J.L. Chance and C.G. Legg. V. 1–7. L., 1922–1934.
51. Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2, 4, 7. СПб., Саратов. 1891–1893; Архив кн. Воронцова. М., 1875.
52. Journals of the House of Lords. V. 16–25. I. 1701–41 (далее: JHL); Journals of the House of Commons. V. 14–46. L. 1704–91 (далее: JHC).
53. Cobbett W. Parliamentary History of England. V. 5–28. L., 1809–1816 (далее: Parl. Hist.).
54. АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6 Д. 190 Л. 136.
55. Clark J. English Society 1688–1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancient Regime. Cambridge. 1985. P. 7.

Глава 1

Споры о длине каблучков. Борьба политических партий в Англии в годы войны за испанское наследство

Когда Лемюэль Гулливер находился в Лилипутии, главный секретарь по тайным делам рассказал ему, что над страной тяготеют два зла: жесточайшие раздоры партий внутри страны и угроза нашествия могущественного врага из страны Блефуску. В борьбе двух империй, Лилипутии и Блефуску, угадывается англо-французское соперничество. Под жесточайшими раздорами партий подразумевается, конечно, борьба партий вигов и тори. У Джонатана Свифта ее причина заключается в длине каблучков: высококаблучники считали, что именно высокие каблучки наиболее согласуются с древним государственным укладом страны. Ирония Свифта очевидна. Однако почему Свифт, сам активный участник политических споров начала XVIII в., в «Путешествиях Гулливера» смеется, казалось бы, и над собой? Насколько исторически значимы политические дискуссии того времени? Что они собой представляли: маловажные споры внутри узкой политической элиты или принципиальные разногласия по основным вопросам внутренней и внешней политики? Возможно, надо прислушаться к словам проницательного русского дипломата Б. И. Куракина, который в январе 1712 г. высказал предположение: «В Англии, чаем, так великим делам быть, чтоб не последовала примеру Кромвеля, понеже есть многие к тому знаки» <1>.

Борьбе партий в годы войны за испанское наследство посвящена обширная литература. Историки XIX в., стремясь добиться объективного (как они его понимали) изучения этого вопроса, пытались увидеть сильные стороны как в позиции вигской, так и торийской партии. Так, Галлам, рассматривая политическую борьбу вокруг Утрехтского мира, замечает: «Аргументы вигов были убедительными, хотя и встречали в те времена меньший отклик» <2>. Известный историк-позитивист У. Лекки полагал, что Утрехтский мир был выгоден Англии: «В той части, что касалась Англии, мир давал все, чего можно было желать» <3>.

В историографии XX в. одним из главных дискуссионных вопросов стал вопрос о времени возникновения политических партий в Англии. В соответствии с традиционной точкой зрения либерально-вигских историков партии возникли в годы Реставрации Стюартов, причем главным толчком для их создания был так называемый «исключительный» кризис, связанный с обсуждением прав Якова, герцога Йоркского, на наследование престола. Славная революция создала условия для нормального функционирования двухпартийной системы. Эта концепция подверглась критике многими историками. К. Фейлинг указывал; «Происхождение тори, как и происхождение вигов, связано с религиозными разногласиями времен Елизаветы» <4>. В деятельности круглоголовых в годы Английской революции он видел начало вигской партии, в деятельности кавалеров – торийской.

Однако наибольшую известность получили труды видного британского консервативного историка Л. Нэмира. В опубликованном в 1927 г. исследовании «Политическая структура к моменту восшествия на престол Георга III» он доказывал, что партии в современном смысле и вовсе не существовали даже во второй половине XVIII в. То, что называли партиями, представляли собой временные аморфные коалиции, создававшиеся с одной целью – добиться доходных мест. Имела место не борьба за принципы, а борьба за частный политический интерес. У Нэмира нашлись последователи и среди исследователей, занимавшихся началом XVIII в. Американский историк Р. Уэлкотт, изучив данные о голосованиях в парламенте во время сессии 1707–1708 гг., пришел к выводу, что основная часть депутатов голосовала вразрез с линией той или иной партии: «Не подлежит сомнению, что многие из тех, кто голосовали как виги, в другое время голосовали как тори, и наоборот» <5>. Историки, отвергавшие традиционный

подход к истории двухпартийной системы в Англии, часто исходили из того, что коренным противоречием в политической жизни этого времени был не конфликт партий, а конфликт «двора» и «страны». По мнению Уэлкотта, он и определял содержание споров по вопросам внешней и военной политики.

В современной консервативной историографии значимость антитезы «двор-страна» оспаривается. Кларк видел в ней не более чем попытку замаскировать несостоятельность традиционного объяснения политической борьбы, исходя из конфликта «виги-тори». Что касается времени возникновения партий, то этот историк однозначно полагает: «Если брать за образец партии викторианской эпохи, очевидно, что они возникли только после 1832 г.» <6>. Кларк обратил внимание на то, что традиционная историография, по существу, игнорирует значение якобитства в общественно-политической жизни, тогда как все новейшие исследования показывают, что якобитство оставалось важнейшим фактором, оказывавшим существенное влияние на многих депутатов парламента <7>. Кларк определенно оспаривал тезис марксистской историографии (он называет его «моделью Кристофера Хилла»), будто деление на партии может быть объяснено экономическими и социальными причинами. По его мнению, это опровергается данными об избирательном поведении электората, симпатии которого определялись почти исключительно религиозными пристрастиями <8>.

В то же время большая группа авторитетных исследователей развивала традиционную либерально-вигскую концепцию, хотя, конечно, в нее вносились существенные коррективы. Дж. М. Тревельян полагал, что процесс создания партий, особенно партии тори, еще не завершился в начале XVIII в., однако по основным вопросам политической борьбы, в том числе по религиозным и внешнеполитическим, внутри партий существовало полное единство взглядов <9>. Английский историк Д. Плам, отвергая концепции Нэмира и Уэлкотта, видел в истории Англии на рубеже XVII и XVIII вв. прежде всего процесс достижения политической стабильности в стране: «Контраст между обществом XVIII в. и обществом XVII в. ярок и драматичен. В XVII в. люди убивали, пытали и уничтожали друг друга за политические идеи. Эта ситуация продолжилась до 1715 г., когда постепенно возобладали прочность и мудрое спокойствие» <10>. Плам в большей степени, чем другие либеральные историки, стремился проследить социальное происхождение партий и экономические и социальные истоки конфликта между ними. Торизм в начале XVIII в. проявился, по его мнению, сильнее в тех районах страны, которые отставали в развитии торговли и сельского хозяйства <11>. Дж. Холмс развивал известный тезис о том, что за борьбой вигов и тори следует видеть конфликт «денежного» и «земельного» интересов, и в то же время подчеркивал, что ситуацию не надо упрощать, ни один вигский министр не проявил так явно заботы о торговле, как это сделал Г. Сент-Джон в переговорах с французами и испанцами в 1711–1713 гг. <12>. У.Спек, изучавший избирательную систему и механизм функционирования партий, пришел к выводу, что в начале XVIII в. «политика определялась спорами между партиями, по-разному видевшими роль властей, религиозное устройство и внешнюю политику» <13>.

Вступив на английский престол после смерти Вильгельма III, королева Анна Стюарт обнаружила, по ее собственным словам, что «война подготовлена» <14>. Через два месяца Лондон, Вена и Гаага объявили войну Людовику XIV. Королевская декларация об объявлении войны была поддержана обеими палатами парламента. Война с Францией началась, когда большинство в парламенте составляли тори, которые не были горячими приверженцами антифранцузской политики Вильгельма. Во время Девятилетней войны 1689–1697 гг. он опирался на поддержку вигов. После Рисвикского мира 1697 г. в парламенте проходили острые дискуссии по вопросам внешней политики. Их высшей точкой явилось обсуждение второго договора о разделе испанского наследства, заключенного вигами в 1700 г. Оба договора о разделе были заключены в стиле секретной дипломатии. Второй договор стал предметом дискуссии в парламенте по той простой причине, что смерть короля Карла II Испанского, завещавшего свой

престол внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому, выявила несостоятельность этого соглашения, что породило в английском обществе бурю возмущения.

В либеральной историографии острое обсуждение второго договора о разделе во время парламентской сессии 1701 г. рассматривается как начало «революции во внешней политике». Один из видных британских специалистов в области дипломатической истории, М. А. Томпсон, писал: «Сессия 1701 г. показала: мнение обеих палат по вопросам внешней политики нельзя игнорировать; сами палаты не способны сформулировать внешнеполитический курс; методы, которыми пользовался в течение сессии для утверждения своей политики Вильгельм, непригодны в будущем» <15>. Именно с этого времени, замечал Томпсон, обязанностью министров стало докладывать внешнеполитические вопросы в палатах и искать поддержки со стороны парламента. Следовательно, внешняя политика стала в известной мере политикой, провозглашенной в парламенте и санкционированной им. Точка зрения Томпсона была поддержана другими либеральными историками, включая Холмса <16>. В консервативной историографии имеет место тенденция к преуменьшению значения Славной революции, а также значения «революции во внешней политике». Консервативные историки склонны подчеркивать, что и в XVIII в. внешняя политика продолжала в полной мере оставаться прерогативой королевской власти.

Действительно, с точки зрения традиционной английской конституции, как ее понимали в XVIII в., внешняя политика целиком входила в сферу королевской прерогативы. Король имел право вести войну и заключать мир, назначать дипломатов, давать им инструкции и получать от них отчеты. Формально даже не требовалось, чтобы парламент утверждал мирные договоры. Его функции теоретически сводились к выделению субсидий на содержание вооруженных сил, как собственно британских, так и наемных иностранных. Реальность была далека от этого. Как писал видный английский историк Д. Хорн, «до 1714 года существовала глубокая пропасть между официальной теорией и легальной практикой. Уже с XVII века парламент последовательно настаивал на своем праве обсуждать внешнеполитические вопросы» <17>. Различные государственные деятели строили свои отношения с парламентом по-разному, исходя из конкретной ситуации. Если Р. Харли (лорд Оксфорд) и Г. Сент-Джон (лорд Болингброк) пытались добиться одобрения Утрехтского договора парламентом, то позднее Г. Пэлхэм, напротив, постарался свести к минимуму участие палат в обсуждении Аахенского мира. Обсуждение внешней политики в парламенте было обычной нормой уже в годы войны за испанское наследство. Английские министры знали, что при всех европейских дворах внимательно следят за ходом парламентских дебатов. Подавляющее большинство континентальных политиков, и даже Бисмарк в XIX в., считали, что это – слабый пункт британской внешней политики.

Уже до сессии 1701 г. отчетливо выявились расхождения между внешнеполитическими концепциями торийской и вигской партий. Виги были сторонниками активной внешней политики, они стояли за участие в европейских делах и поддержку таких соперников Франции, как Голландия и Империя. Вместе с тем они были готовы договариваться с Людовиком XIV по поводу раздела испанских владений. Тори придерживались иных позиций. Как писал Холмс, «к 1702 г. они проявили себя как изоляционисты и противники иностранного. Они противились принятию Англией обязательств на континенте после Рисвикского мира» <18>. Почему парламент 1702 г., в котором преобладали тори, поддержал вступление в войну? В литературе высказывалось мнение, что основным фактором, повлиявшим на британское общественное мнение, было признание Людовиком XIV прав Якова-Эдуарда Стюарта на английский престол. Об этом, в частности, писал Тревельян <19>. Значение этого фактора не приходится отрицать. Вместе с тем есть основания полагать, что это решение было во многом подготовлено парламентскими дискуссиями 1701 г.

Критика второго договора о разделе прозвучала в палате лордов в марте 1701 г. Особые протесты вызвало то, что в нем содержалось признание за Филиппом Бурбоном итальянских владений Испании. Специальная комиссия палаты во главе с лордом Ноттингэмом пришла к выводу, что договор противоречил интересам Англии. В резолюции перечислялись его «вредные последствия». Пункт о передаче итальянских владений был принят палатой. Зато положение о том, что ошибкой было неучастие императора в договоре, хотя его содержание затрагивало интересы Империи, большинство отвергло. 16 лордов-тори подписали протест против этого решения. В нем отмечалось: «Совершенно неправильно исключение из договора императора. Наши министры не смогли и не захотели защитить его интересы. Соглашение противоречило пожеланиям императора» <20>. Как видим, речь идет о политике, проводившейся в ущерб интересам союзников. Ответственность за заключение договора была возложена на фаворита Вильгельма лорда Портленда, видных деятелей вигской партии лордов Сомерса и Галифакса.

В палате общин депутаты-тори подчеркивали, что именно заключение второго договора о разделе подтолкнуло Карла Испанского к составлению завещания в пользу Филиппа Бурбона. Критике подвергались методы заключения договора – парламент не был поставлен в известность о переговорах и их содержании, «разрушительном для торговли королевства, бесчестном для Его Величества, в высшей степени вредном для протестантской религии и ведущем к нарушению всеобщего мира в Европе» <21>. Тори считали, что договор мог привести к превращению Средиземного моря во «французское озеро», то есть к вытеснению английского купечества из средиземноморской и левантской торговли. Торийский публицист, экономист Ч. Давенант писал о вигах: «Те, чьим принципом было утверждать, что парламент имеет право быть осведомленным о союзах и лигах, и с ним следует советоваться в вопросах войны и мира, сейчас изменили этому принципу и говорят только о королевской прерогативе. Те, кто называл себя лучшими патриотами, этим договором отдали слишком много Франции. Старые враги этого королевства неожиданно стали его близкими друзьями» <22>. В другом памфлете Ч. Давенант подчеркивал, что «старые виги», виги времени Реставрации Стюартов, придерживались иной точки зрения по вопросу об отношениях с Францией: «Старые виги выступали против неограниченного усиления Франции, сегодняшние виги готовы признать французского короля всемирным монархом» <23>.

Показательны разъяснения, которые давал в парламенте лорд – канцлер вигского правительства Сомерс. Он ссылаясь на письмо Вильгельма III, в котором король просил его совета по поводу соглашений о разделе. По существу Сомерс ссылаясь на указание короля. Министр считал, что препятствовать заключению такого договора значило «слишком много на себя брать», и высказал королю свое мнение, «протестуя против многих частных и сделав ряд предложений в интересах Англии» <24>. Сомерс утверждал, что договор был вынужденным шагом, в противном случае Филипп мог предъявить свои права, и война стала бы неизбежной. Это утверждение нашло отражение и в вигской публицистике. Позднее Ф. Хар, оправдывая Сомерса, писал; «Участие в договорах о разделе, в которое был вовлечен король, было меньшим из двух зол» <25>. Он писал о миролюбии Вильгельма и о его стремлении избежать войны.

Воцарение Филиппа в Испании затронуло не только купцов, торговавших по Средиземному морю, но и другие группы английского купечества. Филипп предоставил французам ассигнато – право монопольного ввоза чернокожих рабов в испанские колонии в Америке. Испанское правительство запретило импорт табака из Виргинии. Еще до признания Якова-Эдуарда Людовиком XIV в парламенте звучали голоса представителей буржуазии, в частности, «старой Ост-Индской компании и Сити, утверждавших, что объединение Франции и Испании приведет к разрушению торговли, следовательно, нации» <26>. Все это позволяло многим историкам считать, что в основе войны за испанское наследство лежали экономические причины. Еще

К. Маркс замечал, что «войны против Людовика XIV были чисто торговыми войнами с целью уничтожения французской торговли и французского морского могущества» <27>. Русский дореволюционный ученый Я. Г. Гуревич также придавал главное значение экономическому фактору <28>. В советской историографии англо-французское соперничество XVIII в. объяснялось преимущественно экономическими мотивами. Речь идет о том, что внешняя политика Англии была прежде всего подчинена интересам защиты национальной промышленности и торговли, а также, со второй половины XVIII в., обеспечению расширения Британской империи.

Экономический подход был характерен не только для марксистской историографии, но и для многих работ западных авторов. Хорн заключал свое фундаментальное исследование европейской политики Англии в XVIII веке следующим выводом; «Если спросить, какие факторы формировали британскую политику в XVIII веке, можно получить разные ответы. Главным является торговая и колониальная экспансия, с одной стороны, и сохранение баланса сил в Европе, с другой. Нетрудно видеть, что ни один из этих факторов не доминировал в течение всего века. Первый из них скорее преобладал во второй половине века, оставаясь относительно слабым в первой половине, когда еще сохранялся страх перед якобитством, возникший после угроз Людовика XIV изменить политическое устройство в Англии, сложившееся в результате Славной революции» <29>. В этом Хорн видел объяснение тому, что англо-австрийский союз сохранялся на протяжении всей первой половины XVIII в., хотя у Великобритании и Империи отсутствовали общие экономические интересы.

Более последователен в оценке роли экономического фактора Дж. Симкох. В статье, посвященной взаимоотношениям между Великобританией и Савойей, он писал: «Я надеюсь доказать сильнейшую взаимосвязь между обоими фундаментальными элементами английской внешней политики, слишком часто рассматриваемыми отдельно и независимо один от другого: поиск политического и стратегического баланса и устремление к торговой экспансии. Я утверждаю, что британские правительства тогда рассматривали войны как средство экономического роста, а военное и дипломатическое равновесие как важное условие для поддержания и расширения торговли» <30>. Как видим, если Хорн разделял «торговые интересы» и «политический баланс», то в понимании Симкоха оба эти фактора находились в неразрывной связи, причем второй фактически вытекал из первого. О первостепенном значении соображений, связанных с торговлей, для внешней политики писали и многие другие исследователи. В свое время Е. Малколм-Смит подчеркивал: «Вопросы коммерции и торговли занимали главное место в британской внешней политике и служили как нить Ариадны в европейском лабиринте» <31>.

Иную точку зрения высказывают многие современные исследователи. Блэк, не отрицая того очевидного факта, что забота о торговле стояла на одном из первых мест во время дебатов по вопросам внешней политики, тем не менее усомнился в том, что фактор защиты торговых интересов, как он рассматривается в историографии, действительно играл основополагающую роль. В обобщающей статье, в которой проанализирован поиск новых подходов к изучению внешней политики Великобритании, он писал: «Не приходится сомневаться, что торговля была важным лозунгом в дебатах по внешней политике, а дипломаты получали инструкции защищать интересы купечества. И все же было бы ошибкой акцентировать внимание на том, что политика Великобритании была мотивирована главным образом соображениями торговли. Этот взгляд ведет к утверждению, будто бы страна после «Славной революции» была чем-то вроде буржуазного государства, управлявшегося в соответствии с интересами буржуазии» <32>. Нетрудно заметить, что в этом вопросе позиция Блэка во многом сближается с концепцией «традиционного общества» Кларка.

В других работах Блэк дал более детальное изложение своей точки зрения. Он подчеркивал, что само понятие торгового интереса является в известной степени абстрактным, на самом деле существовало много глубоко различных интересов, подчас противостоявших один

другому, что ставило правительство в сложную ситуацию, особенно если эти интересы были представлены в парламенте. Блэк утверждал, что внешняя политика не была «просто средством улучшения торговых и промышленных позиций» Великобритании, и приводил ряд аргументов. Во-первых, действия правительства были часто лишь случайным реагированием на давление коммерческих кругов. Всегда ли соответствовали интересам Великобритании интересы купцов, например, Русской или Ост-Индской компаний? Можно ли видеть за отдельными проявлениями дипломатической и государственной помощи отдельным коммерческим группам более или менее систематическую программу поддержки национальной экономики? Во-вторых, Блэк считал, что такого рода действия чаще были второстепенными по отношению к соображениям «большой политики». В-третьих, необходимо учесть, что в британской дипломатической службе существовало явно неблагоприятное отношение к претензиям со стороны коммерческих кругов, что нашло свое отражение в официальной и частной переписке <33>. В вопросе о влиянии коммерческого фактора на внешнюю политику позиция Блэка близка взглядам Дж. Джонса, считавшего, что внешняя политика зависела от активности различных «групп давления», отстаивавших те или иные коммерческие интересы <34>.

Аргументы этих историков следует принять во внимание. Действительно, в каждом конкретном случае различные факторы причудливо переплетались, образуя сложную мозаику разнообразных соображений, как касавшихся блага страны, так и личной выгоды и карьеры. Это не означает, будто бы экономический мотив можно игнорировать. В некоторых случаях он играл решающую роль. Торийский парламент одобрил курс правительства Оксфорда-Болингброка на примирение с Францией, но отверг в июне 1713 г. торговый договор на том основании, что его 8 и 9-я статьи противоречат британским экономическим интересам. Дискуссия по поводу договора свидетельствовала, что интересы британской торговли занимали приоритетное место в аргументации депутатов. С другой стороны, вопрос о том, что более соответствовало экономическим интересам Великобритании: твердый протекционизм вигов или более либеральный подход тори к таможенной политике, сам по себе может быть предметом для дискуссии. Как бы то ни было, историографические дискуссии о роли экономического фактора должны быть приняты во внимание, когда речь идет о политической борьбе в годы войны за испанское наследство, как и во время других войн, в которых участвовала Великобритания в XVIII столетии.

В XVIII в. обе политические партии руководствовались в области внешней политики идеями «внешнего политического равновесия» или «баланса сил». При этом накануне и во время войны за испанское наследство имелось в виду традиционное соперничество австрийских Габсбургов и французских Бурбонов как определяющий фактор международных отношений в Европе. И виги, и тори сходились на том, что годы между Вестфальским миром 1648 г. и воцарением Вильгельма на английском престоле были временем небывалого роста силы и претензий Франции на мировое господство <35>. Болингброк полагал, что в результате войны 1689–1697 гг. равновесие было восстановлено, но вскоре снова нарушено вследствие договоров о разделе: «Договоры о разделе вынудили короля Испании написать завещание в пользу Бурбонов и толкнули испанцев, стремившихся предотвратить расчленение своей монархии, в руки Людовика» <36>. Виги считали, что европейское равновесие было разрушено не самими договорами, а тем, что французы их нарушили. Не случайно, узнав о представлении парламента по поводу договоров 1698 и 1700 гг., Вильгельм III, опиравшийся на вигов, сказал, что сожалеть следует не об участии Англии в договорах, а об их вероломном нарушении <37>. Так или иначе при всех расхождениях в трактовке принципа «баланса сил» лидеры обеих партий в 1702 г. склонились к общему мнению, что война неизбежна.

Сам принцип «баланса сил» не был нов в XVIII в. Он прозвучал у герцога Сюлли при Генрихе IV Французском, в трудах Г. Гроция, Дж. Беллерса, Г. В. Лейбница. Болингброк в «Письмах об изучении и пользе истории», признавая необходимость вступления в войну за испанское наследство, замечал, что нужно было сохранить «равенство на чашах весов, взве-

шивающих силу». Он писал: «Если бы дело сводилось только к удовлетворению Австрийского дома, чьим правам Англия и Голландия не высказывали большого уважения тогда, когда они были лучше обоснованы, чем после появления завещания, то капля пролитой крови или сумма в пять шиллингов на ссору были бы слишком большой расточительностью. Но это была именно та чаша, на которую в общих интересах было бросить как можно больше тяжести из чаши Бурбонов» <38>. В Утрехтском мирном договоре было впервые отмечено, что его целью является поддержание «баланса сил» в Европе. Концепция «баланса сил» предполагала, что национальные интересы европейских государств различны и поддержание мира возможно только в условиях существования системы союзов, уравновешивающих друг друга. Публицист XVIII в. Р. Уоллас в годы Семилетней войны, обозревая историю международных отношений в первой половине века, писал о войнах Англии против Людовика XIV: «Обе войны стоили нам дорого, но они были столь же необходимы для нашей безопасности, как и революция (1688 г. – А. С.) Небрежная и слабая политика Карла II привела к тому, что Франция стала опасна для всей Европы. Великобритании вместе с другими странами пришлось принять меры, чтобы обуздать ее чрезмерное могущество. Это ввело нас в расходы, но это не могло вызывать недовольства до тех пор, пока сила Франции не была сокрушена, и это королевство не было поставлено на один уровень с соседними странами» <39>.

В то же время «баланс сил» был понятием достаточно неопределенным. В этой связи историк М. Андерсон подчеркивал, что данное понятие часто использовалось недовольными политиками, особенно теми, кто находился в оппозиции, для атак на правительство и в интересах собственных партийных группировок. «Неопределенность этого понятия делала его лишенным смысла, но, в то же время, несмотря на свою неопределенность, оно легко становилось источником для международной напряженности. Теории «баланса сил» отражали наиболее конструктивный аспект Просвещения – веру в науку и способности человека контролировать ход развития событий и будущее,» – заключал он <40>.

С началом военных действий выявились разногласия между тори и вигами по вопросам военной стратегии. Уже в 1702 г. определились три основных плана. Первый был выдвинут руководителями страны лордами Годольфином, фактически главным министром, и Мальборо, сыгравшим самую важную роль в войне. Эту стратегию обычно называют «вигской» (хотя самих Годольфина и Мальборо трудно безоговорочно отнести к вигам), так как ее поддержала вигская партия. Виги считали, что главный удар по Франции следовало нанести в Южных Нидерландах, а затем перенести военные действия на французскую территорию и идти на Париж. Сам Мальборо был вынужден неоднократно отстаивать эту стратегию в парламенте от нападок тори. Острые дебаты имели место в декабре 1707 г. Лорд Рочестер, припомнив слова маршала Шомберга, что воевать с Францией во Фландрии «все равно что пытаться схватить быка за рога», заявил тогда, что война здесь должна иметь позиционный характер. Мальборо протестовал против этого «непродуманного совета» и предлагал усилить гарнизоны фландрских городов, находившихся под контролем союзников. В противном случае Франция будет брать верх, и в Голландии усилятся те, кто выступает за выход этой страны из войны <41>. Вигские публицисты исходили из того, что победа во Фландрии приведет к капитуляции Людовика XIV <42>. Этот тезис вызывал сомнения у торийских авторов. Хорошо информированный Болингброк позднее доказывал, что у союзников было мало шансов разгромить врага на его территории. Даже если бы удалось добиться успеха на северо-востоке Франции, это не обязательно значило, что правительство Людовика капитулирует, а не продолжит борьбу, удалившись в Лион или «еще куда-нибудь» <43>. Действительно, события свидетельствуют: несмотря на ряд важных побед в Нидерландах в 1702-10 гг., союзники так и не смогли развернуть крупных операций на французской территории.

Два других стратегических плана отстаивали руководители тори. Лорд Рочестер и его сторонники придерживались концепции «деревянных стен» Они считали, что Англия может

внести вклад в разгром Франции и в то же время упрочить свое экономическое положение благодаря использованию морского превосходства, поэтому вести войну следует на морях и в колониях. В Европе английские войска могут играть только вспомогательную роль, причем их численность не должна превышать 10 тысяч человек, контингента, установленного англо-голландским договором 1678 г. Рочестер критиковал вигскую стратегию уже в мае 1702 г., а в феврале 1703 г. вышел из состава правительства.

Третий стратегический план предлагался лордом Ноттингэмом, который в отличие от Рочестера признавал, что захват французами Южных Нидерландов мог привести к потерям в британской торговле и создать угрозу для Голландии и германских союзников. Тем не менее, он считал, что тактика в этом регионе должна носить оборонительный характер. Как и Рочестер, Ноттингэм предлагал активизировать войну в вест-индских морях, однако главный удар по врагу следовало нанести на Пиренейском и Апеннинском полуостровах. Он подразумевал ведение крупномасштабных операций в Средиземноморье, активное сотрудничество с австрийцами в Италии и опору на новых союзников – Португалию на Пиренеях и Савойю на Апеннинах. Можно согласиться с мнением Дж. Джонса, полагавшего, что на первом этапе войны, в 1702–1704 гг., английское правительство сочетало обе стратегии («вигскую» и Ноттингэма), развертывая сухопутные силы во Фландрии и направив флот в Средиземное море. После захвата Гибралтара в 1704 г. правительство отказалось от активизации войны в Средиземноморье, то есть перешло к «вигской» стратегии <44>.

Остановимся вкратце на ходе военных действий. На море британский флот явно господствовал. В сентябре 1702 г франко-испанская эскадра была разгромлена в сражении в бухте Виго у побережья Испании, хотя попытка овладеть портом Кадис в 1703 г. провалилась. В 1704 г. был захвачен Гибралтар, и в том же году в битве при Малаге союзники отстояли это завоевание. Во Фландрии и в Германии также был одержан ряд побед. В 1704 г. Мальборо одержал победу при Бленгейме. Победа при Рамильи в 1705 г. позволила очистить от французов испанские Нидерланды. В 1708 г французский маршал Вандом сумел взять Гент и Брюгге, но уже через несколько недель французы были вновь разгромлены при Ауденарде. Хотя фландрские города были освобождены, развить успех не удалось. Сражение при Мальплаке (сентябрь 1709 г.) завершившееся без явного победителя, в Англии расценили как поражение Мальборо, что способствовало распространению идеи мира. Уже после фактического выхода Англии из войны в мае 1712 г. австро-немецко-голландские войска были разгромлены маршалом Вилларом при Денене. Другим важным очагом войны был Пиренейский полуостров. После первых успехов (лорд Питерборо взял Барселону, а генерал Галвей вошел в Мадрид) последовали военные неудачи, главной из которых было поражение Галвея при Алмансе в 1707 г. Русский посол А. Матвеев сообщал канцлеру Г. И. Головкину из Лондона о впечатлении, произведенном известием о поражении: «Урок союзников при несчастливой бывшей баталии в Гишпании подтвердился здесь, и двор здешний весьма себя унывно показал, и особливе неприятны последующие ведомости, что Ара-гония и Валенсия со многой частью городов и народов... от своих городов ключи принесли» <45>. После Алмансы французский командующий герцог Бервик «запер» Карла Габсбурга в Каталонии. Ход войны в Испании и обстоятельства битвы при Алмансе стали предметом острых дискуссий в парламенте и прессе Англии.

Борьба политических партий по вопросам военной стратегии проходила в двух направлениях. Во-первых, тори обвинили правительство, что оно уделяло недостаточное внимание испанскому фронту, следовательно, виновно в неудачах союзников на Пиренеях. Во-вторых, тори обвиняли вигов в недостаточном внимании к нуждам флота и неправильном использовании его мощи. Как видим, в позиции тори нашли отражение концепции Рочестера и Ноттингэма, выдвинутые еще в начале войны. Критика стратегии и тактики вигского правительства несколько ослабла в 1704–1707 гг. под влиянием побед, достигнутых Мальборо, и усилилась

после 1707 г. Еще больше борьба по этому вопросу обострилась после прихода к власти торийского правительства и в связи с подготовкой общественного мнения к выходу из войны.

После Алмансы в парламенте проходили острые споры о значении фландрского и испанского фронтов. О них сообщал в Россию Матвеев. Сам он считал, что неудачи союзников в Испании связаны с трудностями доставки туда войск и снаряжения: «Хотя королева здесь со Штатами Генеральными всевозможные вспоможения чинят и войск отсюда полное число на помощь в Гишпанию посылать намерены, однако дальнейшее расстояние чрез море продолжительное, и не могут пощастится чрез горные и близкие пути. Насупротив же король французский по удобству времени и по самой близости своего королевства с Гишпанией непрерывно от себя посылает войска туды и тем множит» <46>. Напротив, тори видели в поражениях следствие неправильной политики вигов. Во время дебатов в декабре 1707 г. Мальборо сообщил, что существует договоренность с австрийским императором о посылке на Пиренеи австрийской армии под командованием принца Евгения Савойского. Единственную сложность он видел в «обычной медлительности» венского двора. В ответ Рочестер привел слова Евгения, который якобы сказал, что его солдаты скорее предпочтут, чтоб казнили по жребию каждого десятого, чем идти в Испанию <47>. Матвеев также сомневался, что этот план будет проведен в жизнь: «Цесарский двор не склоняется с мнением здешнего, чтоб принц Евгений в будущую компанию имел свою команду в Гишпаниии» <48>. Обе палаты парламента представили резолюции, составленные под влиянием тори.

Победа вигов на выборах 1708 г. отложила дальнейшее обсуждение войны в Испании вплоть до 1711 г., когда к власти пришли тори. В палате лордов прозвучали обвинения в адрес Питерборо и Галвея. Как заявил лорд Полетт, «нация в течение многих лет была вовлечена в дорогостоящую войну, и народ желает знать, как были использованы его деньги, почему службой в Испании пренебрегали, почему многие рассматривали свои посты там как синекуры» <49>. Питерборо сумел оправдаться. Палата лордов даже объявила ему благодарность. В своем выступлении он фактически переложил вину на правительство, заявив, что его армия испытывала постоянный недостаток в людях, деньгах, лошадях, фураже. Петиции Галвея, составленные им в свою защиту, были отвергнуты. Его действия были признаны «бесчестьем для британской нации». Одно из обвинений в адрес Галвея состояло в том, что он предоставил чрезмерную самостоятельность португальским отрядам, входившим в его корпус. Утверждения членов правительства Годольфина, Купера, Сандерленда, Мальборо, что они всегда стояли за наступательную войну в Испании, не были приняты во внимание. Мнение торийского большинства выразил лорд Полетт, возложивший вину за поражение английских войск на правительство Годольфина: «Битва при Алмансе была следствием мнения и прямых директив министерства» <50>.

После Малаги не было крупных сражений на море. Французские эскадры были «заперты» в своих портах. Поэтому французы избрали корсарскую тактику, нападая на торговые и военные корабли конфедератов, если те уступали им в силе. В ответ Англия ввела систему конвоирования торговых кораблей. Принятый в 1706 г. «Акт об увеличении числа моряков» обязывал городские магистраты заниматься розыском лиц, знакомых с морским делом и не находившихся на королевской службе. Эти и другие меры не спасали купцов от потерь. Поступившая в парламент в декабре 1707 г. петиция двухсот именитых купцов Сити сообщала о недостатке конвоев и больших потерях и положила начало дискуссиям. Тори лорд Хавершам говорил об отчаянном положении Англии и необходимости спасти «несчастный тонущий остров». Он заявил: «Наши флот и торговля так взаимосвязаны, что их нельзя отделить. Торговля – мать и нянька моряков, моряки – жизнь флота, флот – безопасность и защита торговли, а также богатство, сила и слава Великобритании» <51>. В результате обсуждений палатой лордов был принят документ, в котором утверждалось: купцы не находили должной помощи, конвой были слабы, и их приходилось слишком долго ждать, что вело к порче товаров и потере рынков.

Ответственность возлагалась на Адмиралтейство, которое возглавлял до конца 1708 г. супруг королевы Анны принц Георг Датский. В своем ответе Адмиралтейство указывало, что морские потери Англии меньше, а потери противника больше, чем в Девятилетней войне, случаи гибели или захвата торговых судов объяснялись неопытностью их капитанов. Заявления тори не были вполне справедливыми. Очевидно, что попытки Франции прервать британскую торговлю провалились. Показатели морской торговли Англии в 1712 г. были выше, чем в 1702 г. <52>.

После прихода к власти тори обвинили своих противников в пренебрежении нуждами флота. В представлении палаты общин королеве от 31 мая 1711 г. говорилось о «разорительной и вредной» политике вигов, использовавших выделенные для него деньги на нужды сухопутных войск <53>. Факты, однако, свидетельствуют, что хотя виги и придавали первостепенное значение континенту, но не забывали и о флоте. Численность военного флота за годы правления Анны не сократилась, причем активнее всего строительство и перестройка старых кораблей в доках проходили именно до прихода тори к власти. Наибольшее число рабочих на верфях числилось в начале 1712 г., затем оно резко падает <54>. Таким образом, представление о виггах как о партии, не заботившейся о флоте, а о тори как о партии, способствовавшей его росту, выглядит упрощенным. По существу, при всех расхождениях обе партии видели в нем залог могущества своей страны.

В адрес вигов звучали также обвинения в том, что они игнорировали возможность ведения активных военных действий в испанских колониях в Америке. Вигские публицисты утверждали, что такого рода планы были попросту нереальны. Фр. Хар сравнивал проект посылки английского флота в Вест-Индию с организацией экспедиции на Луну. Он утверждал, что именно опыт войны показал правительству вигов, что ее судьбы решаются на европейском континенте. Он также ссылаясь на неудачу квебекской экспедиции, организованной торийским правительством в 1711 г. <55>. Английский историк адмирал Х. Ричмонд, изучивший возможности войны в Вест-Индии, считал, что альтернативы политике вигского кабинета не существовало <56>.

С вопросом о стратегии военных действий связан вопрос об отношениях с союзниками. «Великий союз» против Франции фактически складывался уже в годы Девятилетней войны. Сам договор, объединивший Англию, Голландию и Империю, был подписан в Гааге в 1701 г. и допускал признание Филиппа Бурбона королем Испании только при условии очень больших территориальных уступок с его стороны в Нидерландах и Италии и предоставлении существенных торговых привилегий. В 1701–1703 гг. коалиция расширилась за счет Дании (которая, будучи втянутой в Северную войну, в военных действиях на Западе не участвовала), Пруссии, Португалии, ряда германских княжеств и герцогства Савойского. Обе партии признавали необходимость объединения сил. В то же время их отношение к Великому Союзу различалось. По замечанию Дж. Холмса, если виги видели в нем «конструктивный и важный инструмент переустройства Европы», то тори рассматривали его как «неприятную военную необходимость» <57>. В ходе войны эти различия еще более углубились, а с началом борьбы тори за подписание мира приняли форму прямых антисоюзнических выступлений, пик которых пришелся на 1711–1712 гг. Критика союзников имела, таким образом, преимущественно пропагандистский характер.

В то же время она была отражением реальной дипломатической борьбы, которая имела место внутри Великого Союза. Стремление Голландии получить и использовать фландрские города в качестве «барьера» против Франции наталкивалось на сопротивление Англии, Австрии, Пруссии. Усиление имперцев в Италии вызывало обеспокоенность у Англии и Голландии за будущее их средиземноморской торговли. Поэтому Англия поддержала савойскую дипломатию в требовании предоставления «барьера» против Франции <58>. Между Австрийской империей и Пруссией начиналась борьба за гегемонию в Германии. Оставались острыми экономические и торговые противоречия между Англией и Голландией. Современник считал,

что голландцы вытесняют англичан из торговли с Востоком и Россией <59>. В начале XVIII в. утверждалось экономическое превосходство Великобритании и ее лидерство в англо-голландском союзе. Это позволяло вигским публицистам отодвигать на задний план противоречия между этими двумя странами и указывать на необходимость укрепления союза между ними с целью спасения торговли обеих <60>. Голландия представляла, таким образом, в качестве главного «естественного союзника».

Характерное для XVIII в. понятие о «естественных союзниках» и «естественных противниках» было порождено господствовавшей тогда концепцией «баланса сил». Его источником также стали просветительская идеология, соображения геополитического плана, взаимные интересы или острая конкуренция в экономической области, религиозный фактор. Общеизвестным «естественным противником» считалась Франция. Схватка британского льва и галльского петуха была излюбленным сюжетом для политических карикатур. Некоторые современники сравнивали отношения между двумя странами с отношениями между Римом и Карфагеном. На антифранцузские настроения повлияли и общественные представления о политическом устройстве Франции. Для англичан в XVIII в. именно Франция являлась образцом авторитарного государства, управлявшегося деспотическими методами. Бастилия и *lettres de cachet* были символами таких порядков. Дж. Блэк подметил, что руководителей провинциальных собраний в Австрийской империи, противостоявших абсолютизму Иосифа II, в Англии считали заговорщиками, а парламенты во Франции, занимавшие сходные позиции, рассматривались как институты, защищавшие принципы свободы <61>. Нелишне вспомнить и о том, что Россия, которую на протяжении долгого времени оценивали как «естественного союзника», была самодержавным государством. Так что можно признать, что идеологический фактор не играл главной роли в поиске союзников.

В чем истоки англо-французских противоречий в XVIII в.? Действительно ли они были непреодолимыми? Выступая в парламенте в 1739 г., Р. Уолпол говорил: «Джентльмен, произносивший речь до меня, утверждал, что естественные интересы Англии и Франции абсолютно не совместимы, из чего вытекает, что любой первый министр Франции, искренне заботящийся о своей стране, будет неизбежно подрывать и разрушать интересы Великобритании. Сэр, по моему скромному мнению, можно считать, что нынешний французский министр правит, стремясь сделать свой народ счастливым, насколько позволяет конституция этой страны, и при этом ничем не ущемляет коммерции Великобритании и не вызывает нашей ревности» <62>. Как видим, Уолпол допускал возможность добрососедских отношений с Францией. Чем же был англо-французский союз 1716–1731 гг.: случайным эпизодом в дипломатической истории XVIII в. или проявлением разумной и дальновидной политики? Было ли разрушение этого союза неизбежным или оно явилось следствием ошибок политических руководителей? Сохранялись ли возможности для политического сближения Англии и Франции в середине и второй половине XVIII в.? На эти вопросы довольно трудно дать однозначный ответ, хотя в историографии продолжает преобладать концепция, в соответствии с которой Англия и Франция оцениваются как страны, являвшиеся в XVIII в. антагонистами.

Довольно враждебно развивались и англо-испанские отношения. Англо-испанские противоречия имели долгую историю. Можно признать, что фактор колониального соперничества играл в этом случае особенно важную роль. Условия Утрехтского мира способствовали углублению противоречий между двумя странами. Ассиенто порождало дискуссии о торговых правах англичан в Испанской Америке. Проблема Гибралтара продолжала остро обсуждаться на протяжении всего XVIII в. Не были урегулированы споры о границах между британскими и испанскими владениями в Северной Америке. Тем не менее, в разгар конфликта, угрожавшего войной, в мае 1738 г., Г. Пэлхэм замечал в парламенте: «Разве король Испании или министры Его Британского Величества ответственны за действия губернаторов в Америке, за дурное воплощение данных им инструкций?» <63>.

Главным из «естественных союзников» на протяжении первой половины XVIII в. считалась Голландия. После воцарения Вильгельма III в Англии казалось, что англо-голландское соперничество осталось в прошлом. Несмотря на трения, возникшие между двумя странами при обсуждении Утрехтского мира, все ведущие политики признавали в первой половине XVIII в., что англо-голландский союз – одна из основ внешней политики Великобритании. Сомнения в этом появились во время войны за Австрийское наследство, в которую Голландия так и не вступила. Тогда герцог Бедфорд употребил для характеристики англо-голландских отношений выражение, относившееся к Франции и Испании: «Живой, привязанный к мертвому» <64>. Семилетняя война еще более разделила Англию и Голландию, а во время Американской войны Голландия прямо выступила против Великобритании. Другим «естественным союзником» считалась в первой половине XVIII в. Австрия, отношения с которой также расстроились во второй его половине. Интересы Англии и Австрии расходились настолько, что этот союз подчас называют «неестественным естественным союзом» <65>.

На роль «естественного союзника» претендовала в политическом и общественном мнении Англии и Россия. Такое представление формировалось совсем непросто. Вплоть до 1730-х гг. в отношениях между двумя странами преобладала конфронтация, что даже привело к разрыву в 1720 г., но не прервало торговли. М. Робертс утверждал, что «естественным» союз между Англией и Россией мог быть только с точки зрения взаимной экономической зависимости, и даже находясь в разных коалициях в годы Семилетней войны, обе страны сохранили дипломатические отношения <66>. Экономические интересы привели к подписанию торговых соглашений между ними в 1734 и 1766 гг., но долгие переговоры о восстановлении политического союза, заключенного в 1741 г., так и остались безрезультатными. В годы Американской войны Россия проводила по отношению к Великобритании недружественную политику. Одним из уроков дипломатической борьбы в XVIII в. был фактический отказ от концепции «естественного союзничества». В XIX в. Пальмерстон дал классическое определение содержания внешней политики Великобритании: «У нас нет ни друзей, ни врагов, а есть только собственные интересы». В XVIII в. концепция «естественного союзничества» продолжала оставаться одним из элементов внешнеполитического мышления, и это необходимо учесть при анализе позиций государственных деятелей и партийных группировок.

Вернемся к отношениям между Англией и ее союзниками в годы войны за испанское наследство. Трения с Голландией имели место в течение всех лет войны. Они касались как экономических, так и политических вопросов. Посол Матвеев писал в Россию: англичан раздражало, что голландцы ловили сельдь у берегов Шотландии, «и великую прибыль, развозя во Францию, в Гишпанию и в Италию, получают» <67>. Вообще в парламенте постоянно звучало мнение, что торговля с Францией, которую, несмотря на войну, Голландия продолжала, должна быть прекращена. Кроме вопроса о «барьере» во Фландрии, острым был вопрос о Гибралтаре. Анонимный памфлетист, сторонник Уолпола, признал позднее: «Даже союзники не хотели, чтобы это важное место (Гибралтар – А. С.) принадлежало нам» <68>. Болингброк подмечал «завистливый взгляд голландцев, направленный на наши привилегии и исключительное право владеть Гибралтаром и островом Менорка» <69>. В парламенте и прессе Англии звучало мнение, что голландцы не выполняют в полном объеме своих обязательств по субсидированию членов Великого Союза, и это бремя тянет одна Англия. Это признавали даже виги, но они считали, что это не повод для ссоры с главным союзником. В 1708 г. известный вигский публицист и политик Аддисон, косвенно признавая невозможность для Голландии полностью внести свою квоту, писал, что «слабости союзников – доказательство того, что надо удвоить наши усилия, а не свертывать борьбу с врагом» <70>. Много позже, когда борьба за Утрехтский мир осталась далеко в прошлом, Болингброк признал: «Голландцы не сократили свою торговлю и не переобременили ее налогами. Они вскоре изменили размер своего вклада и все же даже

после этого испытывали затруднения. Как бы то ни было, следует, однако, признать, что они напрягали все свои силы, они и мы оплачивали все счета войны» <71>.

До времени, когда тори начали дипломатическую подготовку мира, англо-голландские противоречия оставались в известной мере в тени. Английский историк Д. Кумбс писал: «Во время войны отношение британцев к голландцам было показателем их отношения к войне в целом. Развертывание кампании против голландцев было фактором в борьбе тори за заключение мира» <72>. Характерно, что он видел истоки разногласий в различном отношении британских политиков к республиканскому устройству Генеральных Штатов. В 1711–1713 гг. главным объектом критики в Англии стал «первый договор о барьере» 1709 г., поскольку в нем признавалось право Голландии на контроль над фландрскими городами в обмен на гарантии протестантскому наследованию по ганноверской линии. В знаменитом памфлете Свифта упор делался на то, что это противоречило экономическим интересам Великобритании: «Голландцы станут полными хозяевами в Нидерландах, установят там свои пошлины, ограничения и запрещения, разовьют шерстяную мануфактуру, которую будут сбывать в Германии» <73>. Он также считал, что гарантии по вопросу о престолонаследии лишь наносили ущерб безопасности Англии. Во время дебатов в палате общин (февраль 1712 г.) Сент-Джон заявил, что «барьер» был барьером не против Франции, а против Австрийской империи. Большинством в 238 голосов против 104 палата постановила, что договор 1709 г. был «разрушительным и бесчестным для английской нации» <74>. Подписавшего договор виконта Тауншенда палата объявляла «врагом нации». В результате дипломатического давления в январе 1713 г. Голландия была вынуждена согласиться на подписание второго «договора о барьере», заложившего основу для соответствующих статей Раштадского мира. По нему голландский «барьер» был значительно урезан, а Южные Нидерланды перешли австрийскому императору.

Португалия присоединилась к Великому Союзу в 1703 г. во многом благодаря активной деятельности британского купца и дипломата Джона Метуэна. Борьба за присоединение Португалии была одновременно борьбой за вытеснение французов с португальского и бразильского рынков <75>. Португальский король Педро обязался собрать армию, часть которой содержалась за его счет, а также за счет субсидий союзников, то есть фактически Англии. Однако виги рассчитывали не только на португальских солдат, но и на использование португальской территории как плацдарма для развертывания войны в Испании. На это указывал Метуэн <76>. Было еще одно важное соображение. Как отмечалось в анонимном вигском памфлете, «вовлечение португальского короля дало нам отличный порт и удобство для ведения войны в Испании» <77>. Историк Ст. Конн справедливо заметил, что пока Гибралтар еще не был должным образом укреплен, именно контроль над Лиссабоном позволил сохранить его <78>. Наряду с политическим договором между двумя странами был подписан торговый договор, который, по признанию известного вигского публициста Р. Стила, позволил «Португалии, посылавшей нам золото в обмен на шерстяную мануфактуру, на время войны заменить для нас Испанию» <79>. Метуэн более чем откровенно заявлял в парламенте, что этот договор сведет португальскую шерстяную промышленность на нет благодаря свободному притоку английской мануфактуры <80>.

Когда тори вели борьбу за мир, договоры Метуэна подверглись критике. Свифт утверждал, что они свелись к защите берегов Португалии британским флотом <81>. Речь также шла о том, что король Португалии не выполнил своих обязательств по содержанию войск. Об этом говорилось в представлении палаты общин от 1 марта 1712 г. <82>. Еще виги в годы войны признавали, что Португалия не поставляет на фронт необходимого количества солдат. В 1708 г. в ответ на соответствующее обращение палаты вигское правительство так сформулировало свою позицию: «Португальский король ввел в бой значительные силы, но точно определить их численность нельзя, так как подобного рода расследование враг может использовать для разрушения нашего союза» <83>. Действительно, португальское правительство опасалось лишиться

войск в самой стране. Посол Матвеев писал летом 1707 г. из Лондона: «О короле Португалии пишут, что он конницей весьма беден, как нам его министр здешний сказывал, и чают он, что французское войско с гишпанским намерены конечно наступать на самые границы Португалии» <84>.

Критика в адрес Австрийской империи была менее острой. Это иногда объясняют тем, что она не была опасна для Англии в качестве торгового конкурента, как это было в случае с Голландией. Главным поводом для критики было то, что австрийцы почти целиком сосредоточились на Италии. По подсчетам Свифта, Империя направила на другие театры военных действий только 20 тысяч человек вместо обещанных 90 тысяч. Он объяснял неудачу англо-голландцев при Тулоне в 1707 г. отсутствием поддержки со стороны Австрии <85>. Напротив, Хар считал последнее следствием ошибок в командовании, а недопоставку войск оправдывал необходимостью воевать с «недовольными» в Венгрии, что, по его мнению, тоже было вкладом в борьбу с Францией <86>. Характерно, что тори практически не критиковали герцога Савойского, в котором видели противовес австрийскому влиянию в Италии.

Что касается Империи в целом, то Свифт осуждал практику вигского правительства «нанимать» солдат в Германии. Он утверждал, что германские князья действовали как шантажисты, они требовали за участие в войне субсидий, а должны были безвозмездно поддерживать австрийского императора как главу Священной Римской Империи. Действительно, договоры с князьями фактически лишь устанавливали цену за «кровь подданных». Несколько отличался только договор с Пруссией, где речь шла о более значительном контингенте войск, чем в других случаях, а также признавались ее территориальные претензии на Верхний Гельдерн, Кельн и часть Баварии. По мнению Хара, использование германских наемников «к нашей выгоде спасало английскую кровь и деньги», так как французы были готовы платить, чтобы князья держали солдат в своих владениях <87>.

Вопрос о заключении мира стал самым злободневным политическим вопросом после прихода к власти кабинета лорда Оксфорда в 1710 г. О мире говорили и раньше. Уже в 1705 г. Франция пыталась выяснить условия, на которых союзники пойдут на мир. Секретные переговоры велись в 1709–1710 гг., но отказ Людовика согласиться выступить против Филиппа Бурбона, если тот не отречется от испанского престола, сделал договор невозможным. В историографии, однако, преобладает мнение, что по меньшей мере вплоть до битвы при Мальплаке в 1709 г. обе партии сходились на том, что для сокрушения Франции продолжение войны необходимо <88>. В то же время американский ученый И. Крамник указывал, что группировка Сент-Джона, к которой присоединились и сторонники Оксфорда, охладела к войне уже после битвы при Рамильи в 1706 г. <89>. Как видим, изменение позиций тори обычно связывается с ходом войны (в 1706 г. стало ясно, что война приобретает затяжной характер, в 1709 г. тори убедились, что Франция все еще не истощила своих ресурсов). «Оттеснив» «старых» лидеров партии во главе с Ноттингэмом, Оксфорд и Сент-Джон приступили к подготовке мира. Отношения в новом кабинете были далеки от дружественных. Как заметил русский дипломат Б. И. Куракин, «партия торрисова хотя ныне в силу пришла, но для несогласия между нынешними министрами недолго, чают, продолжит. Как уже прошлой недели в понедельник великий канцлер (Оксфорд – А. С.) с милордом Ротшейтером (Рочестером – А. С.), президентом консилия, имел ссору, также и другие в несогласия приходят» <90>. Вопрос о войне стал поводом для беспорядков в ряде городов. В ноябре 1712 г. они имели место в Эксетере, будучи приурочены ко дню рождения покойного Вильгельма III. В 1713 г. в Бристоле выборы в парламент сопровождались стрельбой. Особую тревогу у правительства вызвали сведения о подготовке вигами демонстраций, приуроченных ко дню рождения королевы Елизаветы I <91>.

Тори осознали, что условием для выхода Англии из войны была соответствующая подготовка общественного мнения. Задача не была сформулирована сразу. Поначалу речь шла о переломе и победоносном завершении войны. Американский историк Д. Фрэнсис заметил:

«Встав у власти, тори в течение некоторого времени делали вид, что не намерены менять внешнюю политику» <92>. Они начали кампанию дискредитации вигов, главным объектом которой стал Мальборо. Уже в ноябре 1710 г. Свифт в журнале «Экземинер» намекал на продажность герцога. В 1711 г. Мальборо сместили с поста командующего. Свифт разоблачал и других вигов. Его сатирический стих «О свойствах жезла, принадлежащего волшебнику Сиду Хэмету» был направлен против Годольфина, которого именовали в «Экземинере» мистером Хитрая Лиса. Вигский журнал «Спектейтор» свои номера посвящал защите Мальборо, Уортона, Метуэна – тех, на кого нападали торийские публицисты.

Вопрос о мире был поставлен прямо в 1711 г., когда скончался австрийский император Иосиф I. Императорский престол унаследовал габсбургский кандидат на испанское наследство Карл. По мнению лидеров тори, борьба за его права в Испании утратила всякий смысл. Пришла пора отменить парламентскую резолюцию «Нет мира без Испании». Когда в декабре 1711 г. виги внесли поправку к резолюции по речи о королевы о том, чтобы мир не заключать, пока Испания не освобождена от власти Бурбонов, это было отвергнуто палатой большинством в 232 голоса против 106 <93>. Следовательно, доказывали тори, цели войны достигнуты, а воевать за чужое достоинство не в интересах Англии. Кроме того, расходы на войну ложатся непосильным бременем. В апреле 1714 г. парламенту был представлен документ, в котором указывалось, что они составили 68,5 млн. ф. ст. <94>. Свифт писал, что это вело Англию к обнищанию. Болингброк утверждал, что за войну ратовали только «денежные мешки», так как черпали благодаря ей огромные доходы <95>. Наконец, тори ссылались на международную ситуацию. Они утверждали, что в связи с продолжавшейся Северной войной любой из германских союзников, даже сам прусский король, могут быть вынуждены в любой момент выйти из войны на западе. Характерно, что русские дипломаты усматривали различия в отношении партий в Англии к России. Куракин сообщал осенью 1710 г. о предстоявших изменениях в правительстве: «И ежели торрис, то можем быть лучше благонадежны к своим интересам, а ежели партия вика, то весьма противна нам» <96>. В донесении о составе торийского кабинета он выделял Рочестера, который «к нашим интересам склонен» <97>. Впрочем, надежды Куракина, что приход тори к власти улучшит англо-русские отношения, не оправдались.

Дискуссии о заключении мира вылились в «памфлетную войну», подобной которой никогда не было раньше. Классический пример воздействия прессы – памфлет Свифта «Поведение союзников и прошлого министерства», эффект от которого сравнивают с эффектом разорвавшейся бомбы. В этой связи целесообразно вспомнить, что в современной консервативной историографии высказывается сомнение, насколько в самом деле велико влияние прессы на формирование внешней политики в XVIII в. По мнению Робертса, освещение внешней политики в прессе не было глубоким и содержательным. Некоторые журналы давали довольно полную информацию о событиях, происходивших в европейских странах, но чаще всего это было поверхностное описание, а не глубокий анализ. Один из самых популярных журналов, «Gentlemen's Magazine», ограничивался лишь краткой информацией о происходившем за границей, его читатели больше интересовались различными курьезами или способами лечения ангины. Что касается памфлетистов, то у каждого из них были обычно собственные излюбленные темы, будь то ужесточение политики по отношению к Франции или антиганноверизм. Чаще всего их суждения были поверхностны, а прогнозы туманны <98>.

Блэк склоняется к более осторожной оценке влияния прессы и общественного мнения в целом на формирование внешней политики. Он считает, что роль прессы не может быть определена однозначно. Если говорят о низком уровне публикаций по этим вопросам, что принимается за стандарт? Этот автор утверждает, что обсуждение внешней политики проходило на довольно высоком информативном уровне, а руководители внешней политики далеко не всегда игнорировали результаты этого обсуждения <99>. По поводу влияния общественного мнения он писал следующим образом: «Оценить роль общественного мнения нелегко. Подчас

это может быть самым простым объяснением смены правительственного курса, как это было в отношениях с Россией в 1791 году. Это удобное объяснение, когда нельзя предложить ничего другого... Не совсем ясно, что современники понимали под общественным мнением» <100>. Робертс выражался более категорично: «В основном публицисты и политики действовали в русле равнодушия, которое было характерно для отношения всей нации к тому, что происходило на континенте» <101>.

На Утрехтском конгрессе был разработан ряд соглашений: два договора, политический и торговый, с Францией, и два с Испанией, дополненных также ассиенто, предоставлявшим британским купцам право ввозить африканцев-рабов в испанские колонии в Америке. Особые споры вызвало в Англии содержание торговых договоров. По поводу англо-французского договора звучали протесты вигов и многих представителей буржуазии, причем особенно в связи с его 8 и 9 статьями, вводившими режим наибольшего благоприятствования в торговле, и восстанавливавшими таможенный тариф 1664 г. В многочисленных петициях купцы предупреждали, что отказ от твердого протекционизма приведет к потерям для британской экономики. В памфлетах доказывалось, что тариф 1664 г. «за двадцать лет, с 1668 по 1688 год, принес такой же ущерб, что и две войны с Францией» <102>. В защиту договора выступил в ряде памфлетов Д. Дефо. Характерно, что при этом он пытался обращаться именно к буржуазной аудитории. По поводу ассиенто виги заявляли, что можно и нужно было добиться открытой торговли с испанской Америкой для Англии, а не ограничиваться предложенными квотами. В парламенте даже высказывалось подозрение, что лидеры тори, включая Болингброка, подкуплены испанцами <103>.

Если в вопросах новой торговой политики тори так и не удалось добиться однозначной поддержки парламента, то в политических вопросах дело обстояло иначе. Здесь парламентское большинство выразило поддержку, а критику вызывало скорее не само содержание договоров, а то, как правительство проводило их в жизнь. Самым острым был вопрос о Дюнкерке, который вопреки содержанию договора так и не был разрушен. Позднее Болингброк написал трактат, в котором доказывал, что во время Утрехта и после него тори последовательно настаивали на разрушении Дюнкерка и вину за невыполнение этого пункта договора надо возложить на вигов, пришедших к власти в 1714 г. <104>. На необходимости добиться разрушения Дюнкерка настаивал известный вигский публицист Р. Стил <105>. Впрочем, как считал Дж. Блэк, вопрос о Дюнкерке, поднимавшийся на протяжении почти всего XVIII в., был скорее поводом для политических обвинений, чем реальным требованием. В стратегическом плане куда опаснее Дюнкерка был для Англии Брест <106>. Кроме вопроса о Дюнкерке, поводом для критики торийских условий мира было сохранение за Францией острова Кейп-Бретона у американского побережья. Виги составили специальный мемориал и представили его в парламент. В нем доказывалось, что это решение опасно экономически и создает угрозу английским колониям в случае новой войны с Францией <107>.

В связи с договором с Испанией главным основанием для критики было то, что тори пренебрегли интересами каталонцев, которые на протяжении всей войны оставались самыми верными сторонниками союзников на Пиренейском полуострове. Современник так описывал эвакуацию английских войск из Барселоны в ноябре 1712 г.: «Испанцы, убедившись, что оставлены на произвол судьбы, называли нас предателями, простой народ швырял в нас камнями» <108>. Стил с пафосом восклицал: «Кто может вспоминать о каталонцах без слез? Храбрый несчастный народ. Втянутый в войну морскими державами, он ожидал от них облегчения и защиты. Сейчас этот народ покинут, он брошен на произвол находящегося в ярости монарха, чьим интересам он всегда противостоял» <109>. Во время дебатов в парламенте тори переложили ответственность на австрийцев: «Когда король Карл занял имперский престол и покинул их (каталонцев – А. С.), наши должностные лица лишились возможности действовать в их пользу» <110>.

Как видим, политические дискуссии между вигами и тори в начале XVIII в. во многом определялись проходившей тогда войной за испанское наследство. Политическая борьба принимала подчас весьма острые формы, и в ходе ее высказывались различные суждения о стратегии и тактике военных действий, об отношениях с союзниками, об условиях заключения мира. Политические противники резко обвиняли друг друга в проведении политики, противоречившей национальным интересам страны. В позициях различных сил проявились требования, которые четко прослеживаются в политической борьбе в дальнейшем. Вместе с тем нельзя игнорировать того, что взгляды политиков и целых группировок не были статичны, они менялись, причем не только с изменением исторической обстановки, но и по личным мотивам.

Примечания

1. Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2. С. 365.
2. *Hallam H.* Op.cit. P. 214.
3. *Lecky W.* A History of England in the Eighteenth Century L., 1878. P. 122.
4. *Feiling K.* A History of the Tory Party 1640–1714. Oxford. 1924. P. 24.
5. *Walcott R.* English Politics in the Early Eighteenth Century. Cambridge. 1956. P. 34.
6. *Clark J.* Revolution and Rebellion. State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge 1986. P. 154–155.
7. Ibid. P. 125.
8. Ibid. P. 158.
9. См.: *Trevelyan G. M.* England under Queen Anne. V. 1–3. L., 1930–1934.
10. *Plumb J.* The Growth of Political Stability in England 1675–1725. L., 1967. P. XVIII.
11. Ibid. P. 8.
12. *Holmes G.* British Politics in the Age of Anne. L., 1967. P. 162. См. также: *Idem.* The Making of a Great Power. Late Stuart and Early Georgian Britain 1660–1722. L., 1993.
13. *Speck W.* Tory and Whig 1701–1715. L., 1971. P. 1.
14. *Holmes G.* British Politics... P. 66.
15. William III and Louis XIV. Essays 1680–1720. By and for M. A. Thompson / Ed. by R. Hatton and J. S. Browley. Liverpool. 1968. P. 135.
16. *Holmes G.* The Making of a Great Power. P. 243.
17. *Horn D. B.* Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford..1967. P 17.
18. *Holmes G.* British Politics... P. 64.
19. *Trevelyan G. M.* Select Documents for Queen Anne's Reign. Cambridge. 1929. P. VI–VII.
20. JHL. V. XXI. P. 623.
21. Parl. Hist. V. 5. C. 1270.
22. *Avenant Ch.* Essays upon 1. Balance of Power. 2. The Right of Making War. Peace and Alliances. 3. Universal Monarchy. L., 1701. P. 55.
23. The True Picture of Modern Whig. L., 1701. P. 33.
24. Parl. Hist. V. 5. C. 1245.
25. *Hare Fr.* The Allies and the Late Ministry Defended. L., 1711. Part 1. P. 9.
26. Parl. Hist. V. 5. C. 1250.
27. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 219.
28. *Гуревич Я. Г.* Война за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб., 1884.
29. *Horn D. B.* Great Britain and Europe... P. 381.
30. England's Rise to Greatness / Ed. by St. Baxter. Berkeley. 1983. P. 151.
31. *Malcolm-Smith E.* British Diplomacy in the Eighteenth Century 1700–1789. L., 1937. P. 16.

32. *British Politics and Society from Walpole to Pitt 1742–1789* / Ed. by J. Black. L., 1990. P. 166.
33. *Black J.* *British Foreign Policy in the Age of Walpole.* Edinburg. 1985. P. 99.
34. *Jones J. R.* *Britain and World 1649–1815.* Brighton. 1980. P. 14.
35. См.: *Bolingbroke.* *A Letter to Sir W. Windham.* L., 1787. P. 216.
36. *Bolingbroke.* *A Collection of Political Tracts.* L., 1775. P. 40.
37. *Parl. Hist.* V. 5. С. 1238.
38. *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 120.
39. *Characteristics of the Present Political State of Great Britain.* L., 1758. P. 102.
40. *Studies in Diplomatic History* / Ed by R. Hatton and M. S. Anderson. L., 1970. P. 197.
41. *Collection of Parliamentary Debates in England.* V. 5. L., 1739. P. 136.
42. *Hare Fr.* *Op. cit.* Part IV. P. 11; *Barrington J. A.* *Dissuasive from Jacobism.* L., 1713. P. 33.
43. *Болингброк.* Письма... С. 139–140.
44. *Jones J.* *Op. cit.* P. 160–162.
45. ЦГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 306. Л. 7–8 об.
46. Там же. Л. 81.
47. *Parl. Hist.* V. 6. С. 607.
48. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 317. Л. 1.
49. *Parl. Hist.* V. 6. С. 961.
50. См.: *Ibid.* С. 975–980.
51. *Ibid.* С. 598.
52. *Queen Anne's Navy. Documents Concerning the Administration of the Navy of Queen Anne* / Ed. by R. Merriman. L., 1961. P. 340.
53. *Parliamentary Papers.* V. 1. L., 1797. P. 445.
54. *Queen Anne's Navy.* P. 363.
55. *Hare Fr.* *Op. cit.* Part IV. P. 20–38.
56. *Richmond H.* *The Navy as an Instrument of Policy 1558–1727.* Cambridge. 1953. P. 360–361.
57. *Holmes G.* *British Politics...* P. 70.
58. *British Diplomatic Instructions.* V. 2. L., 1925. P. 43.
59. *Chamberlaine J.* *Magnaë Britania Notitia.* L., 1708. P. 48.
60. *Barrington J.* *The Revolution and Anti-Revolution Principles.* L., 1714. P. 41.
61. *Black J.* *Natural and Necessary Enemies.* P. 192.
62. *Parl. Hist.* V. 6. P. 209–210.
63. *Proceedings and Debates in the British Parliament Respecting North America* / Ed. by L. Stock V. IV. Washington. 1939. P. 363.
64. *Horn D. B.* *Great Britain and Europe...* P. 100.
65. *International Historical Review.* 1988. V. 10. N 4. P. 517–521.
66. *Roberts M.* *Splendid Isolation 1763–1770.* L., 1972. P. 24.
67. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 317. Л. 58 об.
68. *Political Tracts.* L., 1729. P. 8.
69. *Bolingbroke.* *A Collection of Political Tracts.* P. 14.
70. *The Works of J. Addison.* V. 4. Birmingham. 1767. P. 297.
71. *Болингброк.* Письма... С. 128.
72. *Coombs D.* *The Conduct of the Dutch. British Opinion and the Dutch Alliance during the War of the Spanish Succession.* Hague. 1958. P. 49.
73. *The Prose Works of J. Swift.* V. 6. Oxford. 1951. P. 28.
74. *ЖС.* V. XVII. P. 92.
75. См.: *Fisher St.* *The Portugal Trade 1700–1770.* L., 1971.

76. *Francis A.* The Methuens and Portugal. Cambridge. 1966. P. 154.
77. An Impartial Inquire into the Management of the War in Spain. L., 1712. P. 17.
78. *Conn St.* Gibraltar in British Diplomacy. New-Haven. 1942. P. 4.
79. *Steele R.* Political Writings. L., 1715. P. 171.
80. ЖС. V. XIV. P. 291.
81. The Prose Works of J. Swift. V. 6. P. 26.
82. Parliamentary Papers. V. 1. P. 459.
83. Parl. Hist. V. 6. С .618.
84. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 306. Л. 81.
85. The Prose Works of J. Swift. V. 6. P. 34–35.
86. *Hare Fr.* Op. cit. Part III. P. 14–20.
87. Ibid. P. 49–51.
88. *Colley L.* In Defiance of Oligarchy. The Tory Party 1714–1760. Cambridge. 1982. P. 13.
89. *Kramnic I.* Bolingbroke and His Circle. Cambridge (Mass.). 1968. P. 9.
90. Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2. С. 347.
91. *Ewald W.* The Newsmen of Queen Anne. Oxford. 1956. P.78–79; The Divided Society Parties and Politics in England 1694–1716 / Ed. by G. Holmes and W. Speck. L., 1968. P. 78.
92. *Francis D.* The First Peninsula War. N.-Y., 1975. P. 385.
93. ЖС. V. XVII. P. 1–2.
94. Parl. Hist. V. 6. С. 1346.
95. *Bolingbroke.* A Letter to Sir W. Windham. P. 219.
96. Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 2. С. 342.
97. Там же. С. 347.
98. *Roberts M.* Op. cit. P. 10–11.
99. *Black J.* British Foreign Policy... P. 173–174.
100. British Politics and Society... P. 170.
101. *Roberts M.* Op. cit. P. 1 1.
102. Torysm and Trade Can Never Agree. L. 1713. P. 20.
103. Parl. Hist. V. 6. С. 1362.
104. *Bolingbroke.* A Collection of Political Tracts. P. 299.
105. *Steele R.* Op. cit. P. 170.
106. *Black J.* Natural and Necessary' Enemies. P. 116.
107. ЖС. V. XVII. P. 429–430.
108. The Journal of J. Fontaine. Charlottesville. 1972. P. 42.
109. *Steele R.* Op. cit. P. 171.

Глава 2

Между «изоляционизмом» и «интервенционизмом». Политическая борьба в Англии по вопросам внешней политики, 1714–1763

После смерти королевы Анны на основании «Акта о престолонаследии» к власти в Англии пришла Ганноверская династия. Воцарение Георга I не могло не сказаться на британской внешней политике. Это делает актуальным вопрос о роли династического фактора в международных отношениях XVIII в. Е. Б. Черняк писал: «Для XVIII века характерно уже разграничение чисто династических и государственных интересов в собственном смысле слова, причем первые признавались по существу лишь в той мере, в какой они соответствовали вторым» <1>. Возможно, значение династического фактора уменьшилось по сравнению с предыдущими веками, но все же и в XVIII в. династические и государственные интересы подчас трудно разделить. По существу, все специалисты признают, что якобитская опасность, потенциальная возможность новой реставрации Стюартов, казавшаяся вполне реальной на протяжении первой половины XVIII в., самым серьезным образом влияла на политику Георга I и Георга II. Как отмечал историк У Медигер, «необходимость защищать Ганновер была не только вопросом престижа. Этого требовали и конкретные британские интересы» <2>. В случае с Ганновером династический и государственный интересы тесно переплетались, ибо якобизм угрожал не только королям этой династии, но, как считали многие современники, мог опрокинуть то государственное устройство, которое было создано в результате Славной революции. Блэк заметил: «Значение династического фактора трудно оценить точно. Тем не менее, можно полагать, что он был важнее, чем, например, коммерческий фактор. Внешняя политика везде считалась прерогативой короны, и учесть конкретные интересы правителей крайне важно для анализа международных отношений в это время» <3>.

Вопрос о роли династического фактора стоит исключительно остро именно в отношении Великобритании. Ни короли, ни министры не могли игнорировать собственные интересы Ганновера после 1714 г. В значительной мере политика Англии по отношению к России и Пруссии диктовалась именно этим обстоятельством: Англия нуждалась в союзниках на континенте, способных обеспечить защиту наследственного владения английских королей. Если смотреть на проблему шире, то фактор Ганновера не мог не способствовать укреплению интервенционистской, а не изоляционистской тенденции в политике Великобритании <4>. В то же время фактор Ганновера был и предметом острейших дебатов. Не было такого оппозиционного политика, который не утверждал, что интересы самой Великобритании приносятся в жертву Ганноверу. Во время войны за австрийское наследство Питт-старший восклицал: «Наше великое и могущественное королевство сейчас не более чем владение презренного княжества» <5>. Это не помешало ему, находясь у власти, в необходимой мере учитывать интересы Англии на континенте, связанные с Ганновером. В данном случае трудно сказать, что было первичным в проблеме Ганновера: династический или национальный интерес.

После воцарения Георга I прежнее руководство вигов сменилось. Галифакс и Уортон скончались в 1715 г., Сомерс – в 1716 г. В первые годы своего правления король не доверял Сандерленду, считая его республиканцем. В результате во главе вигов и правительства оказались новые люди, причем в вопросах внешней политики главную роль играли Дж. Стэнхоп, Ч. Тауншенд и Р. Уолпол. Генерал Стэнхоп, государственный секретарь по южному департаменту, был известен участием в войне за испанское наследство, а также активной деятельностью в парламентской оппозиции, лидером которой он стал после заключения Уолпола в Тауэр

в 1712 г. Стэнхоп считался знатоком европейских дел. Он полагал, что лучшим способом ведения переговоров является «дипломатия саммитов», и сам выезжал в европейские столицы. Стэнхоп находился у руля внешней политики до 1721 г., когда он был отстранен от власти Уолполом и скончался в атмосфере обвинений, выдвинутых против него в связи со скандалом вокруг Компании Южных Морей. Блэк считал Стэнхопа «способным дипломатом, которого ни в коей мере нельзя называть подкупленным Францией, который был уверен в том, что англо-французский союз соответствует интересам Великобритании» <6>. Стэнхоп был сторонником активного участия Англии в европейских делах, и, по утверждению У.Спека, «его дипломатические амбиции доходили до того, чтобы добиться роли арбитра в них» <7>. Тауншенд получил известность как дипломат, заключивший с Голландией «договоры о барьере», вызвавшие резкую критику со стороны тори. В 1714 г. он стал государственным секретарем по северному департаменту и предложил восстановить «систему короля Вильгельма». Его считали самым последовательным сторонником англо-голландского союза. Тауншенд гораздо меньше Стэнхопа был готов к кардинальным изменениям во внешней политике Англии и довольно скептически относился к перспективе англо-французского союза. Уолпол, имевший репутацию выдающегося финансиста, занял пост Первого Лорда Казначейства, и в первые годы царствования Георга I мало касался внешнеполитических вопросов.

Сразу после прихода к власти виги сделали попытку восстановить старую систему союзов. В конце 1714 г. Стэнхоп совершил поездки в Гаагу и Вену. Хотя новый «договор о барьере» был подписан с Генеральными Штатами в феврале 1716 г., в целом попытка воссоздания «системы короля Вильгельма» не удалась: позиции Голландии и Австрии были различными после территориальных приобретений, сделанных последней в Нидерландах в результате Раштадского мира. Осознание этого факта, а также смерть Людовика XIV и установление регентства Филиппа Орлеанского при малолетнем Людовике XV, подтолкнули британских политических деятелей к сближению с Францией. Подвергнув критике Утрехтское устройство, виги в то же время вступили на путь, проложенный Болингброком. Договор об англо-французском союзе был подписан Стэнхопом и главным советником регента Дюбуа в октябре 1716 г. Он подтверждал условия Утрехтского мира, признавал престолонаследие по Ганноверской линии в Англии и позиции Филиппа Орлеанского. Яков-Эдуард Стюарт был вынужден покинуть Францию, которая разорвала союз, заключенный в предыдущем году с одним из главных противников Георга – Карлом XII Шведским. В 1717 г. англо-французский союз был расширен путем включения в него Голландии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.